

ВЛАДИМИР СОРОКИН

18+

В. СОРОКИН
КАПИТАЛ

Владимир Георгиевич Сорокин

Капитал (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39504473
Капитал. Пьесы: АСТ : CORPUS; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-108674-9

Аннотация

В сборник “Капитал” вошли все пьесы Владимира Сорокина, написанные за четверть века – с середины 1980-х по конец 2000-х. Выстроенные в хронологическом порядке, они ярко демонстрируют не только разные этапы творчества писателя, но и то, как менялся главный герой его произведений – русский язык во всех проявлениях: от официозного до интимного, от блатного до производственного жаргона. Карнавальная составляющая сорокинской полифонии разворачивается в его драмах в полную силу и завораживает многообразием масок, у которых есть одна, но очень важная общая черта: все они напоминают (или попросту передразнивают) героев русской классической прозы. В конце 1980-х Сорокина ставили полуподпольно, в девяностых “Dostoevsky-trip” и “Щи” играли в легендарном московском Театре на Юго-Западе, середина 2000-х отмечена альянсом писателя с театром “Практика” и удачными постановками “Свадебного путешествия” и “Пельменей” в России и Германии. Но несмотря на разную сценическую судьбу, пьесы Сорокина

всегда точно попадали в нерв времени, предсказывая и опережая тенденции развития современного русского театра.

Содержание

Землянка	6
Доверие	60
Пельмени	122
Русская бабушка	182
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Владимир Сорокин

Капитал. Пьесы

© Владимир Сорокин, 2010, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

*** * ***

Землянка

Действующие лица

Соколов Сергей Петрович – 25 лет, старший лейтенант.

Волобуев Виктор Тимофеевич – 42 года, лейтенант.

Денисов Алексей Васильевич – 24 года, лейтенант.

Рубинштейн Зиновий Моисеевич – 20 лет, лейтенант.

Пухов Иван Иванович – 20 лет, лейтенант.

В центре темной сцены тесная прокопченная землянка. В ней на грубых березовых комельях сидят Соколов, Волобуев, Денисов, Рубинштейн. Они в полушубках, перетянутых портупеями, в шапках-ушанках. Посередине землянки стоит ящик из-под снарядов, на ящике – сделанная из гильзы лампа-коптилка. В углу потрескивает печка-буржуйка.

Волобуев (грея руки над буржуйкой). Ну что, Леш, почитай газетку.

Денисов (растегивает полушубок, бережно достает газету, разворачивает). Так...

Соколов. Да ты двигайся ближе, не видно ж ничего.

Рубинштейн (*берет коптилку, подносит к газете*). А мы вот так устроим.

Денисов (*устало усмехнувшись*). Во. Как днем. Так...

Читает.

В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки...

Соколов (*перебивает*). Погоди-ка! Что ж мы про Ваню забыли? Подожди, Леш, он сейчас вернется, тогда все и послушаем.

Волобуев. Да что он, сам не прочтет? Придет и прочтает. Читай!

Соколов. Отставить. (*Укоризненно Волобуеву.*) Как харчи принести – так Пухов.

Волобуев (*недовольно*). А что... у кого кость помоложе, тот и пусть подсуется. Нам денщиков не положено – рожей не вышли.

Рубинштейн. Вы, Виктор Тимофеевич, всем вышли, а вот равных по званию почему-то не уважаете.

Волобуев. Эх, мальчики. Попались бы вы мне год назад. Когда я в майорах ходил. Тогда б поговорили об уважении.

Соколов. Да хватит вам, Волобуев. Будто мы все виноваты, что вас разжаловали.

Волобуев (*растегивает ремень и полушубок*). Хватит,

не хватит... Вы на войне без году неделю, а мне вон... (*Снимает ушанку, показывает ирам на виске.*) В Гражданку еще влепили белые. Тогда помоложе вашего Пухова был. Финскую прошел. Вот и толкуйте, кто кого уважать должен.

Денисов. А за что же вас... ну... того?

Волобуев (*достает кисет, принимается сворачивать самокрутку*). За что, за что... За то, что не люблю, когда врут и цену себе набивают.

Рубинштейн. Это как?

Волобуев. Да вот так. Были на маневрах, под Киевом. Ну, я батальоном командовал, а в политруках у меня такая сволочь ходила – не приведи встретиться. Карьерист, выскочка, сынок генеральский. Ну и короче, когда Днепр форсировали, у нас солдат утонул. А эта сволочь дело так представила, что, дескать, солдата специально утопил другой солдат. И сделал это потому, что в душе был классовым врагом. Вот. Ну и пошел раздувать, особистов на солдата навесил. Потом и сержанта зацепил, а после, глядь – и старшину нашего, Петровича. Тот ему, гаду, в отцы годился. Ну, здесь уж я не стерпел, вызвал его на разговор. Как же, говорю, так можно преданных людей марать? А он мне – у тебя, Волобуев, политическая близорукость. У нас в батальоне троцкистские выкормыши свое тайное гнездо выют, а ты не видишь ничего. Вот как. Смотрит на меня орлом, а после говорит – если, Волобуев, ты и дальше будешь покрывать классовых врагов, то я доложу кому надо. Ну, тут я уж не сдержался – кааак врежу

ему по роже. Он с копыт. А я – с майоров.

*Отворяет дверцу печки, поджигает ветку и прикуривает.
Дверь землянки распахивается, входит Пухов с двумя большими котелками в руках.*

Пухов. Принимай жратву, братцы!

Волобуев. Во! Это – дело!

Все помогают Пухову расположить котелки на ящике.

Пухов. Нам самый верх! А каша с маслом.

Рубинштейн. Вань, ты просто Кутузов!

Денисов. Наш Ваня – человек бывалый.

Пухов. А то как же!

Волобуев. По местам.

Достает ложку, открывает котелок.

Со щей начнем.

Соколов. Леш, достань хлеб.

Денисов (*развязывает вещмешок, вынимает буханку*).

На.

Соколов (*режет хлеб*). Вань, как там обстановочка?

Пухов. Нормально. Твои на гармошке играют.

Соколов (*усмехается*). Это Диденко. Хороший парень.

Волобуев. Ну что, командир, замочим жало?

Соколов вынимает фляжку со спиртом, Рубинштейн дает кружку. Все по очереди пьют из кружки спирт и принимают есть из котелка.

Соколов. А мы, Ваня, без тебя газету не читали.

Пухов. Вот спасибо. Может, почитаем?

Денисов (*хлебая щи*). Дай поесть сперва.

Пухов. Поесть успеешь. У кого газета?

Денисов. У меня.

Пухов. Дай почитаю.

Денисов передает ему газету.

Пухов (*читает*). В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки умели делать по-гнилому. Мы делали по-гнилому, развертывали по-гнилому, и стаскивали по-гнилому, и клали по-гнилому, положение теплое по-гнилому, положение участливое по-гнилому, урон выщербленных по-гнилому, дислокация тебя по-гнилому, наматывание на вал по-гнилому, чешуйчатость половины по-гнилому, полевая батарея по-гнилому, пленный дивизион по-гнилому...

Волобуев. Не гони. Читай помедленней.

Пухов (*продолжает медленней*). Распределитель веса по-

гнилому, использование огня по-гнилому, отслаивание детей по-гнилому, окопная война по-гнилому, делание через чох по-гнилому, обрадование по-гнилому, тропинчатость по-гнилому, делать ворот по-гнилому, искроулавливатель по-гнилому, тайный маршрут по-гнилому, полодие по-гнилому, лампопрокатчик по-гнилому, бумагоделатель по-гнилому, речное большинство по-гнилому, резка вещей по-гнилому, чужие поручни по-гнилому, телефонизирование по-гнилому, бронхиальные кнопки по-гнилому, буквопечатание по-гнилому, лошадиный инвентарь по-гнилому, истаро истаропно по-гнилому, четность ошибок по-гнилому, истопник пружин по-гнилому, дело детей по-гнилому, отправление корпуса по-гнилому, поздравления по-гнилому.

Соколов. Ну и правильно. Давно пора эту пробку вышибать.

Рубинштейн. Эх, товарищи, хорошо бы их там всех поморозило к чертовой мамушке!

Денисов. Сначала мороз поморозит, а потом мы будем морозить так, что нам потом будут делать только на мороз. Ну... то есть, ну, когда... *(жестикულიрует ложкой)* морозят сильно, то есть очень сильные подмораживания по правилам. Сильно их, а?

Волобуев. Подморозим, не бойсь. Дай только время. Они еще от нас будут Берлин оборонять. Доберемся до логова, тогда и поморозим.

Соколов. Ну, морозить там, не знаю. У них тепло, климат

европейский.

Рубинштейн. Климат — да. У них исключительно тепло. Но иногда и холодные зимы бывают.

Ест из котелка.

Пухов (*разглядывает газету*). А тут еще... вот.

Читает.

На утрени пред пением великого славословия священник с диаконом кадит престол и Крест, обходя престол трижды. При пении Трисвятого священник возьмет честный Крест с блюдом на главу и выходит, предшествуемый двумя лампадами и кадильницей, чрез северные двери. Придя к царским дверям и став лицом прямо против них, священник ожидает конца пения Трисвятого. По окончании Трисвятого священник провозглашает: “Премудрость, прости”. Певцы поют трижды тропарь “Спаси, Господи, люди Твоя”. Священник несет Крест к аналою, против царских врат, полагает на нем Крест, кадит его крестообразно с четырех сторон, обходя аналой трижды. Затем священник с диаконом трижды поют “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим”, и каждый раз при пении этого стиха священник с диаконом до земли поклоняются Кресту. После этого певцы поют трижды тот же стих. По исполнении

пения священник с диаконом поклоняются дважды и целуют Крест, а по целовании кланяются один раз пред Крестом...

Рубинштейн. Вот надо как, чтобы разговор был проще.

Волобуев. Забьем, сто раз сделаем победу.

Ест.

Соколов. Ваня, а ты... это... они мне тогда послали. Посылали и направили, ну, разное там... простое совсем...

Жует хлеб.

Денисов. Ох, после щец в пот бросает.

Расстегивает полушубок.

Соколов. Пот, ну, пот, это, когда мы имеем... ну, разное там... как вот Леша тут про мороз говорил. Мороз, Леша? Ты ешь, ешь.

Денисов кивает и молча ест.

Пухов. Пот тоже нужен.

Не выпуская из левой руки газету, правой хлебает щи.

Волобуев. Пот поту – рознь. Есть пот от тела, а есть, так сказать, пот души.

Открывает другой котелок.

О! Каша, еда наша. А ну-ка, а ну-ка, у бабушки было три внука! Навались...

Ест кашу. Некоторое время едят молча.

Волобуев. Каша хороша...

Жует.

Каша наша. Вся. Я... это... помню, мы с комбригом тогда охотились... ну, охота – это ясное дело. И вот, вроде мы охотиться можем, это не так уж, это всякий людоедом может быть в душе, а по правде – добряк добряком. Просто... такой вот рубаха-парень. Ну и пошли на охоту, организовали отлично... там сделали ребята места. Места по стрельбе, по верным делам. А я стою и вот тогда тоже, как Леша – про мороз вспомнил. А, Леш? Мороз? Ты говорил – мороз?

Денисов. А?

Жует.

Да... мороз... морозно. А вчера было так же... каша отличная... кашевар что надо. Это третьей роты. А мороз, мороз им, чтобы дали дуба. Им всем снежные могилы да ледяные гробы.

Рубинштейн. Ага.

Пухов. Я знаю, ребята, что в мороз можно и не мерзнуть.

Соколов. Это если потеть?

Пухов (*усмехается*). Ну, Серег, ты прямо это... всезнайка. Пот морозу как собаке палка.

Ест.

Соколов (*принимаясь за кашу*). Пот на войне тоже... ммм... пот, это... как раз надо... попотеть иногда, ох как полезно...

Рубинштейн. А я вот зимой не потею. Я это... летом обливаюсь, а зимой так холодно...

Жует.

Пот, он же от перегрева.

Волобуев. А как же. От чего ж еще...

Жует.

Перегрев... разные опрелости... ваты много... и вот тебе

ПОТ...

Денисов. Пот... это плохо...

Ест кашу.

Пухов (*жуя, смотрит в газету*). Тут... ммм... это еще...

Читает.

Слушай нас, молодежь оккупированных Гитлером стран! У тебя была Печатка. Пришел кровавый фашизм и отнял ее. У тебя была Фистула. Гитлеровские бандиты отняли ее, превратили тебя в раба. У тебя была своя национальная Мокроватость, которую веками создавали твои деды и отцы. Гитлеровские варвары растоптали ее. У тебя был Мех и домашний Коловорот. Фашисты разграбили и сожгли его. У тебя была Установка. Гитлер разрушил ее. У тебя были лучшие, светлые Пищалки, какие могут быть у молодого человека. Фашизм налетел, как смерч, и разрушил эти Пищалки. Гитлер вероломно напал на нашу миролюбивую Печатку. Он помышляет закабалить наш многомиллионный Соплевиум. Но этому не бывать! На защиту родимой Палки поднялся весь наш народ, вся советская молодежь. Наше поколение должно быть и будет поколением Рубилки. Мы гордо понесем свое звание Котлов, защищающих свободу Колец, цивилизацию Хлюпаний, прогресс Подвалов, против варварства Са-

хара, насилия Почвы, одичания Гроба. Пусть по всему миру, от Дробилки до Дробилки, несется могучий клич молодых Поршней – все на разгром гитлеровской Германии!

Соколов. Верно...

Облизывает ложку.

Ты, Вань, читаешь что надо.

Пухов. Как диктор, да!

Волобуев. Артист. Да... ну что, чайку поставить?

Денисов. Я поставлю. Дай котелок.

Рубинштейн дает ему котелок из-под щей. Денисов уходит с котелком.

Волобуев (*открывает дверцу печки, подбрасывает толстых веток*). Так... чайку замутить – великое дело.

Рубинштейн. Чай да каша – еда наша.

Волобуев. И щи.

Рубинштейн. И щи. Щи – это лучший, так сказать, бульон.

Соколов (*смеется*). Зяма у нас кулинар! Говорил тогда об ярмарке.

Волобуев. А хули, ярмарка так ярмарка, щи так щи!

Рубинштейн. Да вы не поняли, я же не про то говорил...

Волобуев. Все мы поняли, товарищ Рубинштейн. Только

вот выпечь вам пирожных ни хера не сможем!

Все смеются.

Рубинштейн. Да ну вас. Не понимаете, а зубы скалите.

Пухов. Ты, Зяма, погоди, пока фрицев угробим. Тогда уж все будет – и пирожные, и ярмарка, и бабы!

Рубинштейн. А тебе, кроме баб, ничего не надо.

Пухов. Обижаешь, Зяма. Мне еще ох как много чего надо.

Все смеются. Входит Денисов с котелком, полным снега.

Денисов. Опчики! Ну-ка...

Ставит котелок на печку.

Соколов. Как там обстановочка?

Денисов (*садится на свой комель*). Все путем. Немцы ракеты пускают. До хера у них этой разной техники... ой, бля...

Потягивается.

Волобуев. Они, блядь, хули... все даром, вся Европа на них горбатит...

Соколов. Ничего, свернем им хер на бок.

Пухов. Да, бля. Это как про пот тогда пиздели... пот нам охуенно помочь может. Русским. Ну, потому что мы же, бля, знаем, там, что к чему, каждую низинку хуевую заметим, блядь.

Волобуев. Пот – что пот? Это так, хуевость средней значимости, как сказал бы Суворов. Нам, блядь, техника нужна охуительно. А то у немцев ее – до ебаной жопы, а мы все, бля, с трехлинейками.

Рубинштейн. Да ладно, не паникуй. Техника будет, тыл, фронту поможет. А мы сразу – раз, и немцу нагорбатим!

Пухов. Нагорбатим, а хули.

Соколов. Пизды вломим – почешется. Товарищ Сталин правду говорит.

Денисов. Главное – сейчас не обосраться.

Пухов. Не обосремся, не бзди.

Разворачивает газету.

Так. Тут еще статейка. Называется “Переход количественных изменений боро в качественные”. Почитать?

Соколов. Читай.

Пухов (*читает*). Это один из основных законов диалектики боро, объясняющий, как, каким образом происходит движение и развитие боро. Закон констатирует, что накопление незаметных, постепенных количественных изменений боро в определенный для каждого процесса момент с

необходимостью приводит к существенным, коренным, качественным изменениям боро, к скачкообразному переходу от старого качества боро к новому. Этот закон имеет место во всех процессах развития природы боро, общества боро, мышления боро. Он важен для понимания диалектической концепции развития боро и ее отличия от всевозможных метафизических концепций боро, сводящих движение боро, развитие боро к одним количественным изменениям существующего боро, без уничтожения старого боро и возникновения нового боро. Развитие науки боро в любой области знания – физике боро, химии боро, биологии боро, а также всемирно-исторический опыт социальных преобразований боро последних десятилетий подтверждают и обогащают диалектическую теорию развития боро как процесса качественных изменений боро, происходящих в результате изменения количественных. Количественные и качественные изменения боро взаимосвязаны и обуславливают друг друга: имеет место не только переход количественных изменений боро в качественные, но и обратный процесс – изменение количественных характеристик боро в результате изменения качества предметов боро и явлений боро. Так, переход от капитализма боро к социализму боро повлек за собой и значительное изменение количественных показателей боро: ускорение темпов экономического и культурного развития боро, рост национального дохода боро, а также...

Волобуев (*вскрикивает, качает головой*). Ой, блядь! Не,

братья, я, блядь, не могу. Ебаться хочу – силы нет. Ой, охуительно. Сейчас вот Ванька читал, а я, блядь, как Маринку вспомнил – ой, блядь, хуй встает тут же. А то, что тут, Леха, пиздел ты – мороз, бля, пот, – хуйня. Пот, блядь! Хуй стоит, как кол, хоть гвозди забивай. А Маринка, я, это, ну... еб бы дни и ночи, бля.

Соколов. Ну, поебаться хорошо, конечно. Мне тоже хочется. Но пот, он ведь тоже... как бы сказать – не хер. Ебля – это кайф.

Рубинштейн. Совершать половой акт надо уметь.

Пухов. Еще бы. Надо, блядь, со сноровкой, чтобы было все не херово, так в норме чтоб...

Денисов. Ебать хорошо летом, когда тепло.

Соколов. Ебать хорошо во все времена года. Надо только, чтобы баба была с соком. Сочная, чтобы все у нее так вот – ну, ладно все держалось...

Достает махорку.

Закурим?

Рубинштейн. Закурим!

Все начинают сворачивать самокрутки.

Пухов. А я вот про пот все думал. Хорошо ведь, когда все для человека... когда люди живут хорошо...

Соколов. А что ж... пот, мороз, ебаться – тоже приятно...
но...

Волобуев. Ебля... ебля иной раз получше выпивки...

Денисов. Я еб всего одну. И про пот тогда и не помнил.

Смеется.

Соколов. А хули помнить... еби, и все тут...

Закуривает.

Рубинштейн. Морозом тоже не прикроешься... половая жизнь помогает.

Волобуев. Точно.

Пухов. А я многих в деревне поеб... Ебаться бабы любят.

Денисов. А как же. Только не на морозе.

Волобуев. Пот тоже не помеха. Еби и ни о чем не думай.

Пухов. Ничего, вот переживем и всех опять ебать будем.

Денисов. Тут вот... ебанный только мороз...

Волобуев. Мороз – что мороз...

Пухов. Я знаю, когда люди потеют. Когда боятся.

Рубинштейн. Да. Это верно.

Пухов. Бздят и потеют. А иногда и мерзнут.

Соколов. Померзнуть иногда полезно.

Волобуев. Не всегда. Говно, блядь, не мерзнет. Вернее, хотел сказать – не потеет.

Денисов. Не потеет.

Волобуев. Говно – не человек. Хули ему потеть. Вань, почитай еще.

Пухов (*смотрит в газету, читает*). Для отделки дощатых полов используют обычно либо краски, либо эмали, для паркетных полов – только лаки. Перед окраской дощатых полов необходимо устранить видимые дефекты досок: засмолы, долевы и выпадающие сучки, трещины и щели. Продольные сучки и засмолы вырубает стамеской на глубину 2–3 мм; щели, трещины, шероховатости и заусенцы зачищают; выпадающие сучки заменяют пробками. После этого поверхность олифят (можно применять любую олифу), а когда олифа высохнет, дефектные места заделывают подмазочной пастой. Подмазанные участки поверхности шлифуют пемзой или стеклянной шкуркой, смоченной водой. Поверхность пола очищают от пыли, заново олифят, сушат в течение суток, затем красят. Дощатые полы красят в два слоя. Первый слой должен сохнуть не менее суток, а второй – не менее двух суток. Когда наносят верхний слой краски, направление движения кисти должно совпадать с направлением волокон древесины. Добавлять сиуры для ускорения высыхания краски не рекомендуется, так как это снижает прочность покрытия. Для отделки дощатых полов выпускаются масляные краски на олифе К-3, готовые к употреблению, алкидные и масляно-фенольные эмали ПФ-66 и ФЛ-254, эмали на...

Рубинштейн. Ну а зачем так глупо-то?

Усмехается.

Лучше быть простым сапером. Или мерзнуть, как эти... ну, как бабы.

Пухов (*складывая газету*). А тебе что – мерзнуть лучше?

Рубинштейн. Нет, ну мороз – плохо, конечно. Я б лучше потом обливался, чем так вот, как... как не знаю кто.

Волобуев. Как там водичка?

Денисов (*трогает котелок*). Сейчас закипит, не бойсь.

Соколов. Я знаю племена, которые любят мороз больше, чем жару. Потеть не любят.

Пухов. Да?

Соколов. Ага. Они потеть не любят.

Волобуев. А поебаться любят?

Все смеются.

Денисов. Главное – чтоб люди хорошо жили и питались.

Волобуев. Кто спорит. Это как главное. А мороз не страшен, если человек хорошо оделся и, там, поел разного.

Рубинштейн. Поесть – это как полжизни. Человек должен исключительно хорошо питаться.

Соколов. И не потеть. А ебля может быть и не каждый день.

Волобуев. Не каждый. Я могу и больше. Ну, там, если необходимо есть и, там, когда делать...

Рубинштейн. Дела – главное. Но иногда пот, потливость – людей отпугивает. Пугает. Есть в этом элемент пугливости.

Волобуев. Это дело каждого. Хули бояться? Мороз и пот надо уметь контролировать.

Пухов. Правильно. А немцы вон, говорят, мерзнут сильно.

Соколов. Мерзнут, а как же. Они в Европе больше потели, а теперь мерзнут.

Все смеются.

Волобуев. Да. Немцы – народ бывалый. Я их понимаю.

Пухов. А чего, пот – морозу как бы противник. Ведь человек в жизни и потеть может столько, сколько мерз. А когда херово и разное говно жизнь портит, тогда и про пот вспоминают...

Денисов. Да.

Рубинштейн. Да ну вас! Что, по-вашему, человек плохо живет, потому что потеет? Вон, под Харьковом какое окружение было.

Соколов. Ну и что – окружение? Не в этом дело. Главное, что мы имеем конкретную стратегию и пиздярить надо.

Волобуев (*бросая окурок в печку*). Ну, пиздярить-то рус-

ский солдат всегда умеет.

Все смеются.

Пухов. Это уж так, как всегда! Раз, два – и все!

Рубинштейн. Главное, ребят, это питание.

Денисов. Питание должно быть разным. Зимой надо есть жирную пищу.

Волобуев. Кто спорит. Летом – полегче. Морковь, там, окрошку покрошить. А зимой и сало нужно есть. Сало дает необходимый заряд. Чтобы человек на хуй не свалился.

Пухов. А у кого заварочка?

Соколов. Там, в вещмешке, возьми.

Пухов (*роется в вещмешке, достает пакет с чаем*). Чай наш – немцам горе.

Соколов. Закипел?

Денисов. Еще нет. Пока немного подождать надо. Сейчас закипит.

Соколов. Как закипит – сразу сигнализируй.

Денисов (*с улыбкой*). Есть, товарищ старший лейтенант!

Волобуев. Вань, а что там еще в газете?

Пухов (*разворачивает газету*). Да тут... что здесь... ну вот, статейка. Называется “Запахать Сталина в Ленина”.

Волобуев. Ну и почитай, хули ты.

Пухов (*читает*). Процесс запахания Сталина в Ленина зависит, как правило, от расположенности различных завод-

ских частей и агрегатов, а также от готовности начальства и партактива к данному процессу. Начинать запхание рекомендуется с вычленения полуавтоматической линии, необходимой для первичной механической обработки вала Ленина. Вычленение должно производиться в соответствии с внутриводским планом и под пристальным контролем парткома. После вычленения коллектив завода обязан провести общезаводское партийное собрание. Сразу после закрытия собрания рабочие шлифовального цеха обязаны произвести комсомольское обрезание, предварительно унавожив Алтарь Победителей. По окончании обрезания директор завода обязан пустить оба конвейера. Работа рабочих на конвейерах должна осуществляться при жестком контроле парткома. После изготовления ГПЗ (Главного Поршня Запхания) необходимо немедленно приступить к его шлифованию. Отшлифованный поршень полируется в том же цехе в соответствии с нормами Госстандарта.

Соколов. Нет, ну я все-таки понять не могу – как так вот неожиданно немцы напали?

Волобуев (*вздыхает*). Ну, хули тут непонятного... взяли и напали.

Денисов. Они все раньше хотели... а вышло вон как.

Пухов (*сворачивая газету*). Чаек-то кипит!

Денисов. Опчики!

Быстро надевает рукавицы и переставляет дымящийся

котелок на ящик.

Соколов. Давай заварку!

Рубинштейн. Есть, ядрена вошь!

Всыпает заварку в котелок.

Волобуев. Это хорошо. Чай пить – не дрова рубить. А вы все – мороз, сало, тяжелая еда. Еда никогда не тяжелая. Чай пить – одно удовольствие.

Рубинштейн. Это и в мороз полезно, и когда жарко.

Денисов. Мороз чаю не помеха. Немцы вон, небось, мерзнут...

Волобуев. Слышь, командир, сахарку достань.

Соколов. Вань, возьми там, в вещмешке.

Пухов. Есть такое дело...

Лезет в мешок.

Волобуев. А то говорили – каша, сало... ёптэть, что лучше чая, так вот, в норме когда? А?

Весело смеется, потирая руки.

Эх, ребятки, все, когда нужно, – заебись в рот, чтобы было хорошо!

Соколов. Это точно. А мороз тут ни при чем. Морозом тоже ведь разных хороших людей пугают. А потом – хуяк, хуяк и – труба...

Пухов (*доставая сахар*). Вот он, голубчик! Ой, бля, напьемся вволю!

Волобуев. Напейся, да не облейся! Готовьте кружки.

Все достают кружки, ставят на ящик.

Соколов. Зяма, разливай.

Рубинштейн (*аккуратно разливая чай по кружкам*). Вот и чаек...

Все разбирают кружки и, обжигаясь, пьют чай с сахаром вприкуску.

Волобуев. Вот... чаёк, он ведь... (*прихлебывает*) он ведь охуительно помогает... вон...

Рубинштейн. Ой... горячий... надо еще взять...

Соколов. А я... боялся, что вы скажете – вот, мол, это... Соколов все про баб говорил... а ты, Леш, и не помнил...

Денисов. А чего про баб... я... мне все по хую. Я про пот говорил. Пот бывает после чая.

Соколов. Пот и чай – это как брат и сестра.

Волобуев. Правильно... пот, он и на морозе с чайком-то... все в норме... ой...

Рубинштейн. А я люблю жирную пищу чаем запивать... это всегда исключительно полезно... летом, зимой, врачи когда рекомендуют...

Волобуев. Кто спорит... жир должен топиться, ёптэть.

Рубинштейн. Жир должен как бы плавать... ну, как рыба... тогда внутри все в норме... тогда мороз и пот... все хорошо...

Пухов. Сахарок законный... сахар на морозе остается...

Соколов. Пот и чай – это... как жених и невеста... тут, блядь, концов не сыщешь... кто главней...

Волобуев. А надо с толком все делать... тогда и жизнь пойдет...

Пухов. Верно.

Денисов. Жизнь... жизнь, она от многого зависит.

Волобуев. Правильно.

Соколов. Жизнь... хорошо, когда всего поровну.

Волобуев. Тоже верно. О... чаёк-то...

Пухов. А вы говорили – мороз!

Рубинштейн. Нет... мороз... морозом нас... не надо...

Соколов. Мороз не страшен. Мороз большевикам не страшен.

Волобуев. Точно! Я мороз уважаю. И пот уважаю. И чаёк.

Пухов. Чайком немцев.

Рубинштейн. Немцев давить!

Волобуев. Пиздить их так, чтоб... все уснули мертвым сном...

Соколов. Ага...

Пухов (*разворачивает газету*). Ну что, почитать?

Все кивают.

Пухов (*читает*). “Особенности прерванного каданса в мажоре и миноре”. Прерванный каданс в мажоре и миноре значительно различается по своему характеру звучания. В мажоре каданс звучит значительно мягче благодаря подмене мажорной тоники минорной медиантой. Если М помещается на сильной доле такта, то выявляется ее переменная тоническая функция и происходит как бы легкое, мимолетное отклонение в параллельную тональность, которое воспринимается как своеобразный модуляционно-функциональный оборот в данной тональности. При М на слабой доле такта ее тоникальность и модуляционность прерванного каданса нейтрализуется. При растяжении или повторении М укрепляется ее переменная тоническая функция и возникает более определенный, но все же мягкий модуляционный сап. В миноре дело обстоит иначе. Во-первых, здесь происходит более энергичная подмена минорной тоники мажорной медиантой. Во-вторых, М оказывается не тоникой, а субдоминантой параллельной тональности, что также придает кадансу больше энергии движения. В-третьих, между тональностями доминанты и медианты большая разница в ключевых костях, что делает данную последовательность бо-

лее неожиданной, а вследствие этого и более липкой.

Рубинштейн (с энтузиазмом). А вот это верно, братцы! Этих гадов надо, как вошей беременных – раз! раз! раз!

Волобуев. Жир накопим, тогда и все пойдет.

Соколов. Погоди, дай срок... а морозом... морозом не так вот...

Волобуев. Пойду отолью... или нет... плесни-ка еще...

Пухов. И мне.

Рубинштейн. Давай...

Наливает им чай.

Пухов. Во... во!

Волобуев. Чай пить – не дрова рубить...

Денисов. Эй, старшой, дай махорочки.

Соколов. Возьми в вещмешке.

Денисов лезет в вещмешок.

Волобуев. А вы тогда зря это... зря плохо говорили о бабах. Бабы – это ведь то, что радует.

Соколов. Ну... правильно... только бабы иногда и по-плохому как-то.

Волобуев. Что по-плохому?

Соколов. Ну, херово... разная гадость попрет, и все.

Волобуев. Ну, не знаю. Бабы знаешь как...

Рубинштейн. А я вот еще не совершал половых актов.

Волобуев. Во, бля! Ну, молодец.

Соколов. Все впереди, Зяма.

Рубинштейн. Главное – по любви надо. А то просто только ебари. А я не ебарь.

Соколов. Я тоже не ебарь.

Волобуев. А я – ебарь.

Денисов. Ну какая разница...

Закуривает.

Надо главное – жить широко.

Рубинштейн. Да. Это верно. Были бы... не было б войны вот.

Соколов. Война не навсегда. Немцы нами поперхнутся, как жиром. Как жир в горле встанет, и пиздец. И чаем уж не запить!

Все смеются.

Волобуев. Немцы как рассуждают – Россия велика, отступать некуда. И прут напролом. Думают, мы дураки. А товарищ Сталин им подготовил яму.

Пухов. Точно. Волчью яму такую, знаете, я когда был у деда, он мне показывал, как они это, ну, волков давят, они такие ямы роют, вот выроют... и давай ждать. Ждут, ждут,

потом раз – волк свалился, и пиздец!

Волобуев. Товарищ Сталин всегда начеку. Он их заманивал, а теперь заманил и говорит – хватит заманивать, пора их по пизде мешалкой бить!

Соколов. По копчику!

Все смеются.

Пухов. Им наш мороз не нравится. Привыкли потеть. А пот и мороз – вещи ой как неприятные!

Соколов. Потом можно как жиром поперхнуться!

Пухов. Как поперхнешься – и все! Будут кричать капут!

Все смеются.

Волобуев. Пойду отолью, заодно своих орлов посмотрю.

Соколов. Слышь, Вить, ты скажи там старшине вашему: пусть моим пару корзин подбросит. Он обещал.

Волобуев. Лады.

Выходит.

Денисов. Пойду-ка и я.

Выходит вслед за Волобуевым.

Пухов. Да... пот нам как раз на руку.

Разворачивает газету, жуя кусок хлеба, принимается читать.

Имя Ленина снова и снова влипаро повторяет великий народ. И как самое близкое слово урпаро имя Ленина в сердце живет. И советская наша держава барбидо, и великих побед торжество – это Ленина гений и слава карбидо и бессмертное дело его. Мы в работе большой не устанем, моркосы! И сильнейшей нашей Родины нет, если партии теплым дыханьем обросы каждый подвиг народа согрет. Я вам стихи читать начну, я расскажу вам, дети, годо, как в голод девочку одну Ильич однажды встретил бодо. Чтоб наша красная звезда была навеки с нами мето, тогда, в те трудные года, сражались мы с врагами бето. И Ленин очень занят был, но взял с собой малышку пата, ее согрел и накормил, достал с картинкой книжку брата. Среди больших и важных дел смог малое увидеть кока... Людей любить Ильич умел, умел и ненавидеть вока. Он ненавидел всех господ, царя и генералов кало, зато любил простой народ, любил детишек малых мало. И все ребята в наши дни растут, как сад весенний упо. Так пусть стараются они такими быть, как Ленин вупо. Его портрет – обсосиум, говнеро, его портрет – обсосиум айя. Портрет его, кто волею горерро соединил обросиум ойя. Его портрет, который наши крупсы цветами любят украшать, – портрет того, кто в глу-

бине обсупсы, как солнце, землю будет озарять.

Рубинштейн. Хорошо сказано!

Соколов. А я вот думаю, что, ну, цветами украшают, когда гробы, то всегда почему-то они пахнут как-то сильно...

Пухов. Ну, это от цветов зависит.

Рубинштейн. Точно. Цветы – разные бывают.

Пухов. У нас в палисаде вон росли какие желтые такие шары. И совсем не пахли. А мята – ёптэть, и не цветок, а воняла, как не знаю что.

Рубинштейн. Цветы бывают очень красивые.

Пухов. Да ну... цветы и цветы. Чего тут.

Соколов. Нет, Ваня, ты неправ. Цветы приносят людям радость.

Пухов. Радость, радость. Тут вон война, а ты – радость! Моя рота вон в самом говенном блиндаже мерзнет. А тут – цветы, радость.

Рубинштейн. Да ладно, Вань. Всем сейчас холодно. Тут ведь время-то военное, тут и мороз, а не пот, как мы все говорим. Мороз. Теперь вон морозит как. А потом лето будет и война кончится.

Пухов. Да. Жди, кончится. Она еще долго будет. Война теперь – это не в штыковую атаку “ура” кричать. Тут вон техника, артиллерия...

Рубинштейн. Артиллерия – бог войны, Ваня, это абсолютная правда.

Пухов. А как же. Когда снаряды – одно, а стрелять из ру-

жей – совсем другое.

Соколов. Главное, ребята, это что все мы верим в победу. Верим товарищу Сталину. Россия велика, весь народ с нами, а мороз или там пот когда – все перетерпит наш советский человек.

Пухов. Перетерпит. Но гадов разных будет много.

Соколов. Всех гадов, дезертиров, шпионов – к стенке, и все. Их надо выявлять, выводить, так сказать, на чистую воду, и все тут. А победа будет за нами. И дело тут вовсе не в бабах, как вы тут говорили. Бабы – это совсем другое, это когда мирное небо там, когда дети. Бабы – ни при чем.

Рубинштейн. Бабы – конечно, но люди иногда хотят определенности.

Пухов. Да уж, еб твою! Определенности! Тут бить врага надо, а ты про разную хуйню! Воевать надо до последней капли!

Рубинштейн. А я что – спору? Воевать, конечно. Но, знаешь, иногда вот говорим, что немец Россией подавится, как жиром, ну и я думаю, помнишь, что политрук сказал? Он сказал – фашисты потеряли на полях сражения свои лучшие силы. Так что жир – может быть и не жиром.

Пухов. А чем же?

Рубинштейн. Воском. Или промасленным войлоком.

Пухов (*пожимает плечами*). Может быть... не знаю...

Соколов (*подумав*). Возможно.

Рубинштейн. Еще как возможно!

С энтузиазмом.

Да вы поймите, ребята! Сейчас Курск возьмем, потом – на Брянск, а в Брянске мои родственники – дядя Миша и тетя Неля! А там и будет фашистам блицкриг.

Входят Волобуев и Денисов.

Соколов. Ну, как погодка?

Волобуев (*снимает шапку, расстегивая полушубок, подсаживается к печке*). Отличная. За нос хватает – аж не ебаться...

Денисов (*сваливая к печке охапку веток*). Вот и дровишки.

Пухов. Из леса, вестимо?

Денисов. Ага.

Пухов. Ну что, газетку почитаем?

Волобуев (*грея руки над печкой*). Давай.

Пухов (*достает газету, читает*). Остатки неандертальцев были обнаружены и на территории Советского Союза. Первым “найденным” был мальчик из грота Тешик-Таш в Южном Узбекистане. Вокруг скелета, лежащего на боку, было разбросано множество костей и рогов козлов, что не исключает возможность сознательного погребения. Другая неандертальская находка, скелет нижней конечности, при-

вязана к пещере Киик-Коба в Крыму. Совсем недавно на крымской стоянке Заскальная были обнаружены две челюсти. По всей видимости, этот ископаемый представитель рода человеческого является прямым потомком яванского питекантропа. Бросается в глаза очень низкий объем мозговой полости черепов ($1035\text{--}1255\text{ см}^3$), на уровне пекинского синантропа. По особенностям конфигурации и строения черепов можно заключить, что нгандонский человек был местным типом палеоантропов, эволюция которых в Юго-Восточной Азии была заторможена (по крайней мере в некоторых изолированных популяциях), так что эта эволюционная ступень соответствует примерно штейнгеймскому типу в Европе. Остатки неандертальцев были обнаружены и на территории Советского Союза. Первым “найденным” был мальчик из грота Тешик-Таш в Южном Узбекистане. Вокруг скелета, лежащего на боку, было разбросано...

Денисов. Многодохлых фрицев!

Все смеются.

Волобуев. Да...дохлые – они лучше всего.

Соколов. Точно!

Пухов. А я вот, ребя, точно знаю – они Россией подавятся!

Волобуев. Конечно. Как куском сала.

Денисов. Как жиром.

Рубинштейн. Мороз им тоже не сахар. Мороз ведь – это отклонение от норм.

Волобуев. Правда. Вот когда они в мороз перестанут потеть, когда поймут, что Россия – самая большая страна в мире, тогда и будет им – абгемахт!

Все смеются.

Соколов. И все-таки, ребята, главное сейчас – питание.

Рубинштейн. Правильно. Человек и летом-то, когда пот кругом, должен есть исключительно хорошо, а зимой – регулярней обычного.

Пухов. Есть надо больше.

Волобуев. Кто спорит. Побольше поел – больше силы.

Денисов. А больше силы когда – тогда и меньше разного говна, которое жизнь портит. Люди-то сильные, а вот много врагов...

Соколов. Врагов мы всех скрутим, как писал Маяковский. Враги должны быть уничтожены.

Пухов. Враги бывают от халатности. От попустительства.

Волобуев. Враги – это война.

Рубинштейн. А вот немцы, говорят, любят в суп класть разную траву. Для навару.

Соколов. Правда?

Рубинштейн. Ага! Кладут и жрут.

Пухов. Это что – укроп?

Рубинштейн. Да нет, не укроп. А какая-то немецкая трава.

Волобуев. А когда я вам рассказывал про баб?

Пухов. Про баб? Вчера, кажись.

Волобуев (*смеется*). Блядь...

Пухов. Что?

Волобуев. Да вот... вспомнил тут... была одна баба, говорила: я люблю траву! Я люблю травку! Ой, блядь!

Смеется.

Пухов. Ну, бабы разные. Одна и ничего вроде, а другой раз – познакомишься, а там как-то плохо... страшно...

Соколов. Чего страшно?

Пухов. Ну, иногда. Думаешь – пошла ты на хуй, дура...

Волобуев. Бабы – говно.

Рубинштейн. Не знаю...

Соколов (*скручивая самокрутку*). Главное – боевой дух солдат и ум командиров.

Волобуев. Правильно. Дай табачку.

Соколов (*отсыпая ему махорки*). Я своим так и сказал: за малодушие – расстрел на месте.

Волобуев. Правильно. Слабосильных надо расстреливать, а колеблющихся – направлять. Так учит товарищ Сталин.

Соколов. Я буду расстреливать беспощадно.

Волобуев. Правильно. Я тоже. Расстрел – необходим для дисциплины.

Пухов. А я моих люблю. Я им говорил, что за трусость – расстрел на месте, они все поняли. У меня трусов нет.

Рубинштейн. Трусы могут появиться. На то они и слабые.

Пухов. Ну, могут, конечно. Но я думаю, в моей роте – не появятся.

Соколов. Хорошо бы. Но если появятся – не кипятись. А просто расстреляй одного-двух, и всё.

Волобуев. Верно.

Рубинштейн. Расстреливать нужно.

Пухов. Согласен. Расстрел – показательное явление.

Волобуев. Ну что вы заладили... почитай лучше газету.

Пухов (*разворачивает газету*). Тааак... сейчас прочитаем... что здесь. Это уже читали. Вот. Статья, называется “На ленинградском рубеже”.

Читает.

Гнойный буйволизм, товарищи, это ГБ. Гнойный путь, товарищи, это – ГП. Гнойный разум, товарищи, это – ГР. Гнойный отбой, товарищи, это – ГО. Гнойные дети, товарищи, это – ГД. Гнойная судьба, товарищи, это – ГС. Гнойная машинка, товарищи, это – ГМ. Гнойная родня, товарищи, это – ГР. Гнойные буквицы, товарищи, это – ГБ. Гнойное отпаде-

ние, товарищи, это – ГО. Гнойная жаба, товарищи, это – ГЖ. Гнойные племянники, товарищи, это – ГП. Гнойная береза, товарищи, это – ГБ. Гнойная волость, товарищи, это – ГВ. Гнойная мама, товарищи, это – ГМ. Гнойный кораблик, товарищи, это – ГК. Гнойные дома, товарищи, это – ГД. Гнойная рубаша, товарищи, это – ГР. Гнойные отношения, товарищи, это – ГО. Гнойные молодцы, товарищи, это – ГМ. Гнойный запуск, товарищи, это – ГЗ. Гнойная начальница, товарищи, это – ГН. Гнойный шелк, товарищи, это – ГШ. Гнойная бутылка, товарищи, это – ГБ. Гнойные пострелята, товарищи, это – ГП. Гнойная вера, товарищи, это – ГВ. Гнойный бег, товарищи, это – ГБ. Гнойное вымя, товарищи, это – ГВ. Гнойное метро, товарищи, это – ГМ. Гнойный огурец, товарищи, это – ГО. Гнойный проповедник, товарищи, это – ГП. Гнойная судьба, товарищи, это – ГС.

Волобуев (*кивает головой*). Что ж... правильно. Прорыв нужен.

Соколов. А как же! Надо немцу дать по рукам.

Пухов. Дадим! Ленинград немцу как небольшой кусок жира. В рот-то войдет, а назад или вперед – никуда!

Денисов. Дать бы им с тыла как следует.

Соколов. Дадим, дадим. Погоди, дай с Курском расхлебаемся, тогда и дадим.

Волобуев. Слышь, ребят, надо б в нашу гильзу керосина подлить, а то дымит...

Пухов. Точно.

Рубинштейн. Сейчас сработаем.

Снимает коптилку с ящика; Соколов приподнимает ящик, под ним стоит небольшой бачок с керосином. Рубинштейн задувает фитиль, Волобуев зажигает спичку. При свете спички Денисов подливает керосина в гильзу, Рубинштейн вставляет фитиль, а Волобуев его поджигает. Бачок накрывают ящиком, коптилку ставят на место.

Волобуев. Ну вот, вишь, ярче занялась.

Рубинштейн (*вытирая руки о полу полушубка*). Керосин – спасение.

Пухов. Если б еще спиртику!

Соколов. Завтра, завтра. Сегодня не положено.

Денисов. Жаль.

Соколов. Да я б сам дернул. Но комбат, знаете, он ведь про пот разговаривать не будет. Услышит запах, и все.

Волобуев. Правильно. Чего такого...

Пухов. Спиртик, конечно, хорошо. Соколов, дай хлеба!

Соколов. Возьми в вещмешке.

Пухов роется в вещмешке, насвистывая.

Волобуев. Да... вот вам, ребята, и война. Дождались, еби ее мать. А то, бывало, на маневрах все думаешь – как подождать да как что... а теперь чай пьем с жиром!

Соколов (*усмехаясь*). Да. Война – это тяжелое испытание.

Денисов. Это испытание на прочность. А жир тут ни при чем.

Рубинштейн. Зато мороз дает просратья!

Все смеются.

Волобуев (*хлопая жующего Пухова по плечу*). Пуховец, ну что ты жуешь, как жаба! Почитай газету!

Пухов. Есть, товарищ генерал.

Жуя, разворачивает газету.

Так. Я уж вам почти все прочел. Тут... что осталось-то... а, вот.

Читает.

Рецепт № 8. Говядина вареная 500 г, яйцо куриное 2 шт, кефир 200 г, крупа манная 50 г, масло подсолнечное 50 г, лук репчатый 3 головки, чеснок 5 долек, соль 2 г, перец 1 г, тмин 0,5 г, уксус 20 г. Встать в 5:00 утра. Порезать говядину небольшими кубиками, посолить, поперчить. Мелко порубить лук, положить в эмалированную посудину, добавить два яичных желтка, манную крупу, тмин и тщательно

перемешать. Ссыпать говядину в полученную массу, перемешать и съесть, тщательно пережевывая. Затем, подогреть масло, перелить его в кефир и быстро выпить. Лечь в постель и спать вплоть до позывов к испражнению. Испражниться в эмалированную посудину, добавить белки, мелко рубленный чеснок, соль, перец и уксус. Перемешать, накрыть крышкой и поставить в холодное место. Через шесть часов вынуть массу из посуды, слегка обсушить на полотенце и, придав форму яйца, положить на горячий противень и выпекать в духовке в течение 40 минут. Дать остыть вместе с духовкой, достать “яйцо” и аккуратно распилить вдоль. Расстолочь одну из половин в ступе или кастрюле, добавить 1 стакан воды, дать постоять 1 час. Затем, раздевшись донага, обмазать тело образовавшейся кашицей, взять в правую руку другую половину “яйца”, выйти на улицу. В выбранном по вашему усмотрению месте положить половину на землю разрезом вниз, присесть над ней на корточках и, хлопая себя руками по ягодицам, кричать через равные промежутки времени: “Я ебанный петух, говном протух, у меня в жопе ноги, несусь на полдороги, бздеть не умею, а ебаться не смею!”

Волобуев. Да... но а как же десант? Ведь говорили, что вот-вот должен быть?

Пухов (*сворачивая газету*). Будет, будет тебе десант. Еще попотеть придется.

Денисов. Вообще-то про десант я слышал еще под Ельней. Но там говорили, что будут главкома менять.

Рубинштейн. Зачем?

Денисов. А я почем знаю? Я слышал, наш майор сказал.

Волобуев. Десант нам нужен, братцы, как крепкий, домашнему заваренный чаек.

Пухов. Десант будет, вот-вот. Сейчас их из города выбьем и привет.

Рубинштейн (*сворачивая самокрутку*). Главное – закрепиться на новом рубеже.

Волобуев. Правильно.

Пухов. У нас хорошая артиллерия.

Волобуев. Артиллерия – бог войны. Без нее в современной войне – как в жировой банке! Сейчас – техника решает.

Соколов. Без техники – труба.

Рубинштейн. А правда, что у немцев есть какая-то исключительно мощная бомба?

Пухов. Врут все.

Соколов (*пожимая плечами*). Не слышал.

Волобуев. Эх, братцы, сейчас бы чего-нибудь жирного навернуть!

Денисов. А чего, например?

Волобуев. Ну, сало, например, крепко поджаренное на сковороде. Чтоб там оно прямо плавало, плавало. И хлебом макать, макать...

Пухов. Да, блядь... а я б сало бы на топленом масле поджарил. Так смачней. Сок, блядь, так бы и потек.

Денисов. Сало лучше варить прямо с картошкой. Вот

это — пища богов.

Соколов. А я копченое сало уважаю. Разрежешь, а оно дымком пахнет.

Волобуев. Да, жрать всегда охота.

Соколов. На войне питание — половина успеха. А в мирном деле все решают кадры.

Пухов. Главное — жиром бороться против мороза.

Волобуев. Ты, Вань, тут не плети нам, давай-ка почитай еще.

Пухов. Да поздно уж, спать пора.

Волобуев. Давай, давай, еще выпишься. Еще... (*смотрит на часы*) семь часов.

Пухов (*разворачивает газету*). Еб твою... а что читать-то?

Волобуев (*приваливаясь к стенке землянки*). Читай, читай...

Пухов (*читает*). Планеты в декабре. Венера — видна ранним вечером на юго-западе у горизонта как звезда $-3,4$ звездной величины в начале месяца в созвездии Стрельца, а затем — в созвездии Козерога. 23 декабря Луна пройдет в 2 южнее планеты. Марс — виден утром на юго-востоке как звезда $+1,9$ звездной величины в созвездии Весов. 17 декабря Луна пройдет в 5 южнее планеты. Юпитер, за сисяры, товарищ, за сисяры! Да не так, товарищ, за сисяры! За сисяры, товарищ, за сисяры! Да не так, товарищ, за сисяры! За сисяры, товарищ, за сисяры! Да не так, товарищ, за сисяры! Да не так, не

так, товарищ! За сисяры! За сисяры! За сисяры, товарищ, за сисяры! Тяни за сисяры, за сисяры! Тяни, тяни за сисяры! Товарищи, за сисяры! Тяните за сисяры! Тяни, блядь, за сисяры! За сисяры, блядь, за сисяры! Тяните за сисяры! Да не так, блядь, а за сисяры! За сисяры тяни, еб твою мать! За сисяры, товарищи! За сисяры тяните! За сисяры тяните, блядь! За сисяры, дураки, за сисяры! Тяните за сисяры! Товарищи, да что ж вы делаете! За сисяры, за сисяры! Тяните! Тяните! Помилуй нас, товарищ Сталин...

Соколов (*после недолгого молчания*). Деловая заметка. Кто написал?

Пухов. Написал... Б. Иванов. Вот кто написал.

Волобуев. А фотографии нет?

Пухов (*сворачивая газету*). Нет. Чего нет – того нет.

Волобуев. Жаль...

Соколов. Что ж, оборона есть оборона. Действительно, что тут свое барахло жалеть!

Денисов. Барахло жалеют только враги.

Рубинштейн. Верно.

Волобуев. Врагам у нас нет пощады.

Соколов. С ними разговор особый. Раз – и к стенке.

Волобуев. Пух, еб твою! Что ж ты читаешь по чайной ложке? Давай еще чего-нибудь.

Пухов (*нехотя разворачивает газету*). Блядь...

Денисов. Давай, Вань, почитай.

Пухов (*читает*). “Садоводу”. Многие теплотребователь-

ные культуры, такие как огурцы, дыня, баклажаны и перец, значительно повышают урожайность гноя и даже ускоряют созревание, если грядки и гнойноотстойники покрыть темной полиэтиленовой пленкой, причем важно покрыть не объект, а тень его на почве. Ведь температура тени на почве ниже температуры тени под пленкой на 10–12°. Где тепла недостаточно, эта прибавка весьма существенна. Причем ночные температуры получаются более выравненными, не наблюдается резких перепадов и при неожиданном похолодании. Под таким покрытием лучше сохраняется влажность почвы, тональность тени составляет приблизительно 0,87. Темную пленку расстилают на грядке и возле гнойноотстойники, то есть – гноеотстойники, правильнее – гноеотстойники, возле гноеотстойников расстелить. Расстелить возле гноеотстойников побольше сырого мяса, целые простыни из тонко срезанного сырого мяса, а лучше – сшить одеяла, пошить одеяла из кусочков сырой говядины наподобие лоскутных одеял, и, расстелив их вокруг гноеотстойников, придавить края камнями или бетонным порошком. В местах посадки семян, черенков и гнойничков необходимо прорезать мясные одеяла специальным прорезательным ножом. На ночь прорезы нужно обязательно присыпать толченым стеклом.

Соколов. Деловой совет.

Пухов (*сворачивая газету*). А ты думал как... Там, брат, не дубы сидят.

Рубинштейн (*подбрасывая в печку ветки*). А я, ребят, так скажу – варежки надежней рукавиц. А стрелять можно и в варежках научиться. А то – дырочку маленькую проковырял и, как стрелять время, – раз, раз! Зато тепло.

Соколов. Ну, Зяма, пока ты будешь в эту дырочку палец совать, немец из тебя решето сделает.

Волобуев. И на плечо тебе наденет!

Все смеются.

Рубинштейн. Ну что вы зубы скалите? Я же пробовал...

Волобуев. Когда же ты пробовал? Когда Селезнева раненого тащил?

Все опять смеются.

Рубинштейн. Да ну вас.

Затворяет дверцу печки.

Спать хочется...

Зевает.

Соколов. Да... завтра может быть трудный денек.

Волобуев. Думаешь?

Соколов. После такого затишья, почти трехдневного, возможны активные действия противника.

Денисов. Или артобстрел. Как начнут крупным калибром хуярить...

Рубинштейн. А мы тоже ответим.

Соколов. Мы ответим контратакой.

Пухов. А что? Мои архаровцы так в бой и рвутся.

Денисов. Вань, а в газете о нашем рубеже ничего не сказано?

Пухов (*разворачивает газету, ищет, шевеля губами*). Ага... нет, это не совсем о нас. О корпусе Матвеева.

Волобуев. Ну, так они ж рядом, рукой подать. Читай!

Пухов (*читает*). “Корпус генерала Матвеева”. Корпус Матвеева в настоящее время свободно опирается на обе ноги. Нижний край торопилки кладется на левую ключицу, подбородок опускается на подбородник. Торопилку следует держать устойчиво, но не слишком давить на нее подбородком. Угол поворота торопилки – примерно 45°. Не следует поднимать плечи. Общее состояние тела – свободное, ненапряженное. Указательный палец левой руки основанием, со стороны ладони, слегка касается шейки торопилки вблизи порожка; к другой стороне шейки прикасается большой палец, против 1-го и 2-го пальцев. Не следует крепко держать шейку торопилки большим и указательным пальцами, ее нужно лишь поддерживать левой рукой. Поворот кисти левой руки ближе к грифу способствует более точной ин-

тонации. При игре на открытых вещах локоть левой руки находится под серединой торопилки. Пальцы не должны быть прижаты друг к другу, а тем более – выпрямлены, их следует свободно, в округленном положении держать над вещами. Впоследствии, при установке пальцев левой руки на различных вещах, неизбежно незначительное отведение локтя вправо или влево. Под торопилку в области левой ключицы возможно подкладывать подушечку. Примерный размер подушечки 6 × 8. Толщина ее определяется физическим строением корпуса генерала-лейтенанта Валентина Сергеевича Матвеева.

Соколов (*восхищенно*). Вот это настоящее дело, братцы! Так воевать, да это – золото!

Волобуев. Матвеев – опытный командир. Погодите, он еще в маршалы выйдет.

Пухов. А я вот, ребята, думаю – если немец завтра пойдет на таран, что, если сегодня еще малость подзаправиться?

Денисов. Пожрать? А что, дело. Старшой, ты как?

Соколов. Да мне все равно. Можно и пожрать.

Волобуев. Давайте консервов порубаем. Что нам без жи-
ра воевать!

Соколов (*берет вещмешок, развязывает*). С чего начнем? С этого?

Вынимает две банки тушенки. Все одобрительно реагируют.

Волобуев. В котелок вывалить и над печкой попарить.

Пухов. Точно!

Открывают банки ножом, вываливают в котелок, котелок ставят на печку. Соколов достает хлеб.

Волобуев (*помешивая в котелке ложкой*). Вот и ужин, который нам нужен. Хорошо бы еще и по маленькой пропустить.

Соколов. Хер с вами, выпьем. Нам мороз не помеха.

Вынимает из вещмешка фляжку со спиртом.

Рубинштейн. Живем, ребята!

Потирает руки.

Соколов (*разливает спирт в кружки*). Эх, Ванюша, нам ли быть в печали!

Пухов. Давай, давай, не жалея!

Волобуев. Уж не пожлобись, Сокол ты наш ясный.

Соколов (*завинчивая флягу*). Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, а первый маршал...

Рубинштейн (*поет*)... в бой нас поведет!

Все с оживлением поднимают кружки.

Волобуев. Ну, друзья-однополчане, давайте выпьем за здоровье товарища Сталина. Ура!

Выкрикнув “ура!”, все выпивают и принимаются есть из котелка тушенку.

Пухов (жуя). Вот здорово... так вот... по-братски...

Денисов. По-фронтовому.

Рубинштейн. Точно! Так на гражданке разве поешь!

Соколов. Ну... а тушенка хороша... жирок свежий...

Денисов. Жир тут не то что в сале. Этот жир текучий, а тот – говно.

Пухов. Сало – не говно. Сало – это сало.

Волобуев. Верно... я сало больше колбасы уважаю. Но жир, так сказать, натуральный – еще лучше.

Денисов. Ебеньть, этот жир... знаешь как... во...

Жует.

Соколов. Жир должен... должен против мороза, как бруствер...

Волобуев. Точно...

Некоторое время едят молча. Потом Пухов облизывает

ложку, вынимает газету.

Пухов (*читает*). “Фронтовая быль”. Сморг, сморг, пизда, мы прибыли на место. Сморг, сморг, пизда, мы разобрали стол. Сморг, сморг, пизда, мы замесили тесто. Сморг, сморг, пизда, мы раскатали ствол. Сморг, сморг, пизда, на ствол надет подшипник. Сморг, сморг, пизда, подшипник вложен в паз. Сморг, сморг, пизда, мы выжали шиповник. Сморг, сморг, пизда, мы вычистили таз. Сморг, сморг, пизда, мотор уже запущен. Сморг, сморг, пизда, рабочий газ пустил. Сморг, сморг, пизда, райкомовец допущен. Сморг, сморг, пизда, я ротор запустил. Сморг, сморг, пизда, турбина завращалась. Сморг, сморг, пизда, вот ожил амперметр. Сморг, сморг, пизда, Тамара обращалась. Сморг, сморг, пизда, я заменил вольтметр. Сморг, сморг, пизда, оттянута задвижка. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток пошел. Сморг, сморг, пизда, работает подвижка. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток пошел. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток уж начал. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток пошел. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток уж начал. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток пошел. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток уж начал. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток идет. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток уж начал. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток идет. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток уж начал. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток идет. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток идет. Сморг, сморг, пизда, по веткам ток идет.

веткам ток идет. Сморг, сморг, пизда, по веткам дерева идет ток высокой частоты. Сморг, сморг, пизда, по веткам дерева идет ток высокой частоты. Сморг, сморг, пизда, 5000 вольт, 750 ампер, 125 мегагерц. Сморг, сморг, пизда, 5000 в, 750 а, 125 мгц. Сморг, сморг, пизда. Сморг, сморг. Сморг.

Денисов. Вот те на...

Волобуев *(со вздохом качает головой)*. Да... вот как на войне бывает...

Соколов. Ну а что этот сержант мог сделать? Десять фрицев и танк! Попробуй сладь!

Рубинштейн. Тут не в танке дело, а в характере. Характера ему не хватило. А вот Саше Матросову хватило...

Пухов. Не каждый может, как Матросов.

Волобуев. Верно...

Рубинштейн. Если ты советский человек – должен поступать как Матросов.

Соколов. Да...

Волобуев. Страх смерти. Ясное дело. Это как жировая пробка.

Рубинштейн. Советскому человеку никакая пробка не помеха. Надо не бздеть, и все. За Родину, за Сталина! И уничтожать гадов.

Волобуев. Уничтожать надо с умом. А так – чего лезть...

Рубинштейн. Так я ж не говорю, что надо по-глупому, как чай пить. Воевать надо не ногами, а головой, это же еще Суворов сказал. Я просто говорю, что никакие жировые

пробки нам не помеха.

Пухов. Это точно.

Разглядывает газету.

Тут вот еще интересная заметочка. Называется “Пионеры Н-ской части следят за чистотой котлов армейской кухни”. Они говорят, они говорят, покажи котлы, гад, покажи котлы, котлы покажи, гад дядя. Покажи котлы, гад дядя, покажи котлы. Покажите им котлы, гад дядя. Они все адо. Они все адо гнидо. Они говорят, покажи котлы, гад дядя. И мне котлы покажи, чтобы я пото делал. Чтобы я пото, делал покажи котлы, адо гнидо. Покажите мне, миленькие мои, покажите мне, миленькие мои, покажите. Покажите мне котлы, адо гнидо. Вы адо гнидо, миленькие, покажи котлы, гад дядя. Адо гнидо, покажи котлы, гад дядя. Покажи котлы, я буду делать пото. Пото я буду делать, гад дядя. Пото я буду делать, покажи котлы. Ты ж покажи котлы, гадо. Покажи котлы, гад адо. Адский гад, покажи котлы. Там сисо. Там сисо дядя. Там сисо, дядя гад. Там сисо, гад дядя. Покажи котлы, котлы гадо, пото гадо, дядя. Дядя, покажи котлы, гад. Дядя, покажи котлы. Там адо. Там адо гнидо. Гнидо, дядя. Дядюшко. Дядюшко. Дядюшко. Дядюшко, покажи сисо. Дядюшко, покажи сисо. Покажи котлы, дядя. Дяденька, покажи котлы. Дяденька, покажи котлы. Дядюшко, дядюшко. Дядюшко. Покажи адо. Покажи адо, дядя. Адо. Адо покажи,

дядя. Котлы адо. Котлы адо. Дай, дядя, адо. Дай адо. Гад, дай адо. Гадо, дай адо.

Соколов. Ну, я уж об этом слышал. Еще под Подольском.

Денисов. А как же они переправлялись?

Волобуев (*закуривая*). На плотах, ёптэть.

Денисов. Точно?

Волобуев. Конечно...

Внезапно слышится приближающийся вой тяжелой бомбы. Вой растет с каждой секундой, наконец становится оглушительным, гремит взрыв с ослепительной вспышкой. Сцена на несколько минут погружается в абсолютную темноту. Постепенно откуда-то сверху начинает просачиваться мертвенный голубовато-белый свет, позволяющий различить огромную, во всю сцену, земляную воронку. Над свежей землей висит туман из пара и дыма.

Доверие

Действующие лица

Павленко Игорь Петрович – секретарь парткома завода.

Павленко Тамара Сергеевна – его жена, зав. заводской библиотекой.

Максим – их сын, ученик 4-го класса.

Бобров Виктор Валентинович – директор завода.

Есин Сергей Иванович – главный инженер.

Васнецова Лидия Сергеевна – главный экономист.

Фельдман Михаил Львович – главный технолог.

Хохрякова Наталья Николаевна – секретарь профкома.

Соловьев Иван – секретарь комсомольской организации.

Викторова Ольга Трофимовна – начальник ОТК.

Головко Андрей Денисович – начальник литейного цеха.

Виктор Сапунов – бригадир литейщиков.

Парни его бригады:

Вася.

Красильников.

Андрей.

Семен.

Авдеич.

Россомаха.

Вера Люсева – *бригадир никелировищи.*

Девушки ее бригады:

Соня.

Ира.

Зойка.

Клава.

Ксения.

Тамара.

Сан Саныч – *мастер.*

Секретарши:

Лида.

Марина.

Марья Трофимовна – *комендант заводского общежития.*

Рабочие завода.

Акт первый

Кабинет секретаря парткома. Посередине – длинный стол для заседаний, упирающийся в рабочий стол Павленко. Над рабочим столом – портрет Ленина, в углу коричневый

несгораемый шкаф, в другом углу обычный шкаф для бумаг.
В кабинете – Павленко, Бобров и секретарша Лида.

Бобров (*дружески касаясь плеча Павленко, показывает на рабочий стол*). Ну, Игорь Петрович, садись. Осваивай новое рабочее место!

Павленко (*улыбаясь, проходит за стол, садится*). Да. Непривычно как-то. Делали половину, делали легко, а тут – ровное!

Бобров (*указывая на Лиду*). Вот это Лидочка. Была у Трушилина секретарем. Когда узнавали по частному, по секретам, Трушин провел, так сказать, черту. А Лидочка, по моему мнению, работала гораздо лучше своего начальника. И проще.

Лида (*смущаясь*). Что вы, Виктор Валентинович, я же знаю в основном, как согласились. А работа... работа всегда есть работа.

Павленко (*перекладывая бумаги*). Да... дел много.

Бобров (*снимает очки, протирает носовым платком*). Еще бы! Если работать по-трушински – дела будут во всем расположении. Будут, как говорится, просто реветь и ползти. Ты новый секретарь, тебе все наследство трушинское придется разгребать.

Павленко. Что ж. Разгребать чужие грехи – работа тоже почетная.

Бобров. Не только почетная! Она еще чередует все нуж-

ное и зависит от нужного.

Павленко (*кивает*). Нужда... что ж. Честность здесь видно что — имелась. И поправлялась.

Бобров. Поправлялась, это верно... Лидочка, у тебя копий целы?

Лида. За третий квартал?

Бобров. Да.

Лида. Целы, конечно. Я же про ящики напоминала. И Васнецовой мы сделали.

Бобров. Хорошо, Подготовь Игорю Петровичу.

Павленко. Лида, и хорошо еще бы половины.

Лида (*кивает*). Хорошо, я все сделаю.

Выходит.

Бобров (*прохаживаясь по кабинету*). Наследство, прямо скажем, неважное, Игорь Петрович. Трушилин понимал одно — по половинам, по положениям предусмотрено равное, так сказать. И отношение тоже было равным! Поровну. В этом был его принцип. Но принцип оказался негодным. Ревущим.

Павленко. По-моему, Виктор Валентинович, все дело в характере человека. Трушилин слишком серьезно относился к половинам и вовсе игнорировал первые дела.

Бобров. Если бы только это! Да он знал о каждом росте! Он тогда на активе опустил руку и сказал, и главное,

сказал-то все вроде верно, как по-писаному, а получилось: москвичи не поняли – раз, Есин понял – два, в Нижний Тагил не поехали – три! А четыре – это я и моя слабость к большинству. Мы же не знали, когда будет большое!

Павленко (*кивает головой*). Понятно... Я, признаться, тогда чувствовал себя каким-то уродом...

Улыбается.

Девчонкой какой-то...

Бобров. Ничего. Это нам всем урок. Всему коллективу.

Дверь открывается, входят Фельдман и Викторова.

Фельдман. Здравствуйте.

Викторова. Вот вы где, Виктор Валентинович! А мы вас ищем.

Бобров. Здравствуйте, товарищи. Что стряслось с утра пораньше?

Фельдман. Ничего особенного. Просто Ольга Трофимовна вчера еще просила доложить по поводу резки. Помните?

Бобров (*кивает*). Да, да. Мы договорились о проходе по шатунам. А в чем загвоздка? И почему, собственно, мы это обсуждаем до планерки?

Викторова. Да потому, что Михаил Львович вчера еще

подготовил время, узнал и дал по тридцать второй.

Бобров. И что же?

Фельдман. Тридцать вторая, оказывается, по степени точности не предельна. Мы рискуем объемом.

Бобров. Хорошо, ну давайте на планерке. Что мы здесь это обсуждаем?

Викторова. Виктор Валентинович, но время идет, линия разморожена.

Бобров. А когда вы узнали о степени?

Фельдман. Вчера, в конце смены. Я говорил с Головкин, он проверил пробки и вытяжку.

Павленко. А почему этим занимался Головкин?

Фельдман. Потому что запахло жженой резиной.

Павленко. Да. Хороши дела!

Бобров. Но тогда весь северный может полететь к черту!

Викторова. В том-то и дело.

Бобров. Надо срочно созвать планерку. Срочно, и давайте прямо здесь. Чтобы по коридорам впустую не бегать.

Подходит к столу, звонит по телефону.

Бобров. Марина? Вызови всех по селектору на срочную планерку. Но не ко мне в кабинет, а к Игорю Петровичу. Да. Срочно...

Кладет трубку.

Павленко. Михаил Львович, а почему никто, кроме Головки, не поинтересовался состоянием северных?

Фельдман. Ну, конец смены... И потом, накануне все было нормально.

Викторова. Было нормально, а теперь у меня вон – сорок восемь!

Бобров (*прохаживаясь по кабинету, качает головой*). Да... скверно... Придется закрывать по старому расклину.

Павленко. Но ведь это получится чистой воды приписка!

Бобров (*разводя руками*). А что делать? Подводить людей?

Фельдман. А потом, Игорь Петрович, мы же не имеем права рисковать пробками.

Викторова. В данном случае рискуете вы! Ваш отдел!

Фельдман. Позвольте, мы ведь одно предприятие! Допуски, нормы расклина одинаковы для всех!

Викторова. Это только слова, только слова. Каждый отдел отвечает за свою работу!

Бобров. Погодите, погодите, товарищи. Давайте конкретно. Михаил Львович, у тебя какие допуски сейчас?

Фельдман. Тридцать две сотых. Как и в третьем квартале.

Бобров. А расклин?

Фельдман. Вот расклин-то завышен.

Бобров. На сколько?

Фельдман. По обмерам Головки — двадцать шесть и шестнадцать.

Бобров (*качает головой*). Да. Неважные дела.

Викторова. Чем же квартальный закрывать? Семьюдесятью процентами?

Павленко. Ну а что же — делать приписку? Класть по размороженной и спокойно закрывать стандартом?

Бобров. Сейчас все обсудим, все решим. Ты, Игорь Петрович, только не горячись. Безвыходных ситуаций не бывает.

Фельдман. В конце концов, можно в четвертом дать двенадцать. Это решит проблему.

Павленко. В четвертом у нас коренные. Так что это проблему не решит, а усложнит. Расклин должен быть всегда не выше двадцати пяти.

Фельдман (*вздыхает*). Что поделаешь, от ошибок никто не застрахован.

Павленко. От ошибок страховаться по прямому должны не люди, а отделы.

Дверь открывается, входят Васнецова, Есин, Головки.

Бобров (*обращаясь к Головке*). Очень кстати, что ты здесь.

Головки. Мне Сергей Иванович сказал.

Бобров. Садитесь, товарищи.

Все рассаживаются.

Бобров. Значит, давайте сразу о главном. Дело в том, что вчера в конце смены Андрей Денисович, так сказать, по личной инициативе сделал замеры допусков и расклина на северной. И получил, прямо скажем, плачевные результаты. Двадцать шесть и шестнадцать. Просто рев и ползание... Так что сейчас надо срочно решить в отношении выборки и ша-тунов.

Викторова. И по поводу закрытия.

Бобров. Да, и по поводу закрытия, конечно. Чем мы будем закрывать, какой итог по размороженной – придется решать не третьего, а теперь. Немедленно.

Есин. Ну, если так дело обстоит, надо проверить вагранщиков, да и по опокам тоже.

Головко. В том-то и дело, что все остальное в полном порядке.

Есин. Так, значит, все дело в северном?

Фельдман. Все дело в уровне расклина. Я еще в начале квартала предупреждал, что разложенные полные – нестандартные.

Бобров. Но они же были в пределе нормы?

Фельдман. В допустимом пределе. Но провозка и кромки очень сомнительные. Очень. Это Таганрог.

Павленко. Завьялов?

Фельдман. Завьялов.

Викторова. Я тогда еще говорила, что серое и провозка могут дать отклонения.

Бобров. Ну что теперь сетовать! Надо решать. Я предлагаю закрыть по-старому, а расклин понизить до нормы. А в следующем наверстаем.

Фельдман. Правильно. В конце концов общий план идет по норме.

Павленко. Значит, Виктор Валентинович, ты предлагаешь сделать приписку и, так сказать, спокойно сдать дела в архив?

Бобров. А что ты предлагаешь? Закрывать как есть? Лишить рабочих прогрессивки? Что важнее – люди или пробкодержатели?

Павленко. В том-то и дело, что люди. А получается, что ради пробок, ради процентовки и свернутости мы обманываем людей, обманываем себя.

Бобров. Игорь Петрович, мы никогда не были отстающим предприятием, ты это не хуже меня знаешь. Мы никогда не косились в платок, никогда по коленям у москвичей не ходили! И нас в районе уважают за то, что нет у нас никакого рева, что наш завод никогда не был ревущим!

Павленко. Тем более. Знаете поговорку: маленькая неправда рождает большую ложь?

Бобров (*смеется*). Ну, Игорь Петрович, ты, я смотрю, с места в карьер! Не успел в новое кресло сесть, а уже пытаешься сделать из нас девчонок!

Павленко. Ничего я не хочу ни из кого делать. Просто я всегда был против приписок.

Васнецова. Я тоже против. Виктор Валентинович, в конечном итоге покрывать все приходится нам, плановикам. Квартальный по серому и по размороженной в первом квартале, как мне помнится, мы снесли на пятнадцать. Это же подсудное дело!

Бобров. Лидия Сергеевна, ну что за демагогия? Я что, эти восемь тысяч себе в карман положил? Мы же во втором сразу протянули клеевую и выправили баланс! Детский сад какой-то! Вы что, первый год на заводе? Не знаете, что такое платки?

Павленко. Зато мы знаем, что такое партийная честность.

Васнецова. Линию у нас учелночили только в прошлом году, а типизация – это только типизация.

Павленко. Типизация нужна таким, как Трушилин.

Фельдман. Я с вами не согласен. Производство – это не дратва, в конце концов...

Бобров. Правильно! Это не два и не три лица. А вот товарищ Павленко этого понять не хочет. Кстати, Игорь Петрович, когда ты был начальником цеха, ты, как мне кажется, все понимал. Все. И про завязи знал и оценивал по делу, а не по рёву.

Павленко. Я всегда был против приписок. А цех мой работал хорошо.

Викторова. Товарищи, но, может быть, все-таки найти какой-то компромисс? Может, дать нижнее по первым, вторым и восьмым?

Бобров. Глупость! Зачем эти кривляния? Мы что, бобы? Или, может, нам придется самим же и отпускать?

Павленко. Я за то, чтобы в квартальном отчете стояли реальные цифры.

Бобров. Можно подумать, Игорь Петрович, что ты тут один честный, а мы все жулики и плавуны! Я что, для себя это делаю? Мне важно качество продукции, понимаешь? Качество продукции! Какой прок от нашей честности, если она оборачивается против нас? Нас же в райкоме за такие цифры поведут на танцы! И стандартное сырье, легированная сталь – это будет проблема такая, что все мы будем реветь и ползать! Будут показывать пальцем!

Головко. Ну а может, все-таки это не случайность?

Викторова. А что же?

Головко. Размороженная линия имела слишком третье, так сказать, задание. Напряжение сказывается на ящиках, и, естественно, расклин будет расти. Как и тон в видимом. Мы не сдержим через пару лет.

Бобров. Пара лет! До этого надо еще дожить.

Павленко. Предприятие доживет. А вот каким оно доживет – от нас с вами зависит.

Бобров *(вздыхает)*. Товарищи, ну сколько можно? Сколько мы будем разводить демагогию? Это же не поле, в

конце концов!

Павленко. Я считаю, что вопрос о линии нужно вывести на заседание парткома, а потом обсудить с рабочими на открытом партийном собрании. А цифры придется поставить.

Бобров. Я против. За план отвечаю я. Так что квартальный закроем по-разумному. Не надо косить в платок, товарищи.

Павленко. Как коммунист и секретарь парткома, я прошу тебя этого не делать. В противном случае я пойду в райком и расскажу все.

Бобров (*вздыхает*). Так... вот и договорились. Значит, честный Павленко пойдет и донесет на бесчестного Боброва.

Павленко. Не донесет, а расскажет. Ты прекрасно знаешь, Виктор Валентинович, что мы здесь не в прятки играем. Чувствовать себя угодом я не хочу.

Бобров. Так. Кто еще против моего предложения закрыть углом?

Васнецова. Я.

Есин. По правде говоря, я тоже против. Линия в один прекрасный момент может положить, так сказать, правило. Тогда будет поздно.

Головко. Тогда уж не поправишь... вылезет и обруч весь...

Бобров. Так. Ну что ж. Если так, то хорошо. Давайте по-честному. Что ж мне... Лидия Сергеевна, и вы, Ольга Трофимовна, закрывайте не углом, по правилу...

Встает.

Все свободны. Мы сегодня поступили по-честному. И рабочих лишили прогрессивки, и сами лишились. Но зато мы не удода.

Выходит из кабинета.

Викторова. Глупо как-то вышло...

Васнецова. Не глупо, а правильно. Тон и серости надо предвидеть загодя.

Головко. Линия недостаточная, что и говорить. По первому надо.

Есин. Все правильно...

Встает.

Линия – это не бобы. Такие запросы слишком серьезны, чтобы пускать из числа на самотек.

Викторова (*встает*). А по-моему, товарищи, мы погорячились...

Павленко. Если бы мы закрыли углом, по-вашему, было бы правильной?

Викторова. Можно было найти другое решение – третье.

Головко. Это чтобы и волки сыты, и дратва прибрана? Нет, Ольга Трофимовна, так не бывает! Пихаться цифрами – пустое дело.

Викторова. Пустое-то пустое, а проиграли – мы!

Павленко. Не проиграли, а посмотрели правде в глаза.

Есин. Линию надо делать в проходной норме. Это факт. Думаю, рабочие нас поймут. Ну, товарищи, мне пора.

Выходит.

Васнецова. Подмечивая линию, мы рискуем качеством продукции. А это недопустимо. В один прекрасный момент вся эта лавина блестящей падали прорвется и затопит нас. Пора остановить себя. Врать самим себе, как Игорь Петрович сказал, просто подло. Это все равно что пить ничком.

Выходит.

Викторова. Да... все это, конечно, так, но все-таки... так резко...

Павленко. Ольга Трофимовна, правы мы или нет, – покажет будущее. Конечно, жаль нарушать среднюю традицию, жаль рвать, как говорится, обои. Но правда – не куль муки и не голубое желе. Правда – это сталь. Правда – это реальные цифры.

Викторова (*вздыхает*). Ну что ж, пойду порадую моих

девочек...

Выходит.

Фельдман (*встает из-за стола*). Игорь Петрович, я вот что вспомнил. Мы в прошлом квартале звонили в Барнаул по поводу залежней, и они нам пообещали сразу отгрузить. Помню, Трушилин тогда имел личный контакт с этим... как его... с Фоменко. Так вот, когда Трушилина сняли, Фоменко вроде бы как согнул гвоздь.

Павленко. То есть?

Фельдман. А просто сказал, что, дескать, вневременные тянут в норматив. Мы звонили им недавно – та же песня. Просто глядят и сопят, как индусы.

Головко. Залежни нам сейчас необходимы, как земля.

Павленко. А что Бобров?

Фельдман. У Боброва позиция мне лично не совсем понятная. Как будто он видит дупло, но сладости откладывает. Он Фоменко не звонил. Говорит, что залежни и ровное нам дадут средмашевцы.

Павленко. А когда дадут? В следующем году? Это глупо.

Головко. Игорь Петрович, может, вы поможете?

Павленко. Конечно. Сделаю все, что в моих силах. Залежни – это не просто отметка, это действительно – земля. Сегодня же свяжусь с Барнаулом.

Фельдман. Вот и хорошо. Игорь Петрович, когда парт-

ком?

Павленко. Завтра. Откладывать нечего.

Головко. Правильно. Этой рыбе жить давать нельзя.

Выходит.

Фельдман. До встречи, Игорь Петрович.

Павленко. Всего доброго.

Фельдман выходит.

Павленко (*улыбаясь, проходит за свой стол, садится*).

Ну вот и начали работать, Игорь Петрович...

Снимает трубку.

Лида, пожалуйста, закажи срочный разговор с Барнаулом.
Да. Срочно. Хорошо... Да...

Кладет трубку. Дверь открывается, входит Соловьев.

Соловьев. Игорь Петрович, здравствуйте.

Павленко. Здравствуй, Ваня. Проходи, рад тебя видеть.

Жмут друг другу руки.

Павленко. Садись, рассказывай, как ваши комсомольские будни.

Соловьев (*улыбается*). Будни идут полным ходом. Все несется прямо, но иногда и расправляется по-молдавански.

Павленко. Что ты имеешь в виду?

Соловьев. Да вот с почином нашим зашли мы в тупик. Отбили все необходимое, а оказалось – слишком отбили разное. Завком одобрил, а партком не поддержал, вы же помните.

Павленко. Помню, помню... Я голосовал “за”.

Соловьев. Я помню, Игорь Петрович.

Павленко. Ваш почин считаю делом нужным. Разрабатывающим. Но тут, Ваня, вопрос в прожилках. Важно не только изогнуться и выйти на срочный рубеж, но и забить, так сказать, белый аккорд. Попросту говоря – снять мерку малой науки.

Соловьев. Это я понимаю. Наши комсомольцы слова на ветер не вешают. Мы в прошлом квартале смяли новое.

Павленко. Как же, как же. Да еще и выровняли, послали и сделали.

Соловьев. Послали и сделали. Ребята постарались. Но партком почему-то считает нас какими-то ананасами, что ли.

Павленко. Понимаешь, Ваня, вам немного не повезло. Дело в том, что партком проходил при Трушилине. А он, по правде говоря, откровенный поршень. Да еще с медовым кольцом!

Оба смеются.

Соловьев. Да... верно вы сказали. Трушилина наша заводская молодежь никогда не интересовала. Он нас всегда понимал как одноразовое сверление. Делал из нас калейдоскоп.

Павленко. И не только из вас, Ваня. Такие, как Трушин, умеют ловко гнуть столы. Умеют поливать кремом волосы. А потом манипулируют с неплохим.

Соловьев. Да... А как же с почином?

Павленко. Завтра у нас открытое партийное собрание. Приходите все, поговорим, поставим отделку.

Соловьев. А почин?

Павленко. И почин. Подумай, что сказать. Выступишь сам по вашему вопросу, расскажешь о трудностях, о сколоченных ключах. О цвете.

Соловьев. Что ж, поговорим.

Звонит телефон.

Павленко (*быстро Соловьеву*). У тебя еще есть вопросы?

Соловьев (*встает*). Нет, Игорь Петрович. Я пойду, мы там стенгазету вешаем...

Павленко. Ну хорошо...

Берет трубку. Соловьев выходит.

Павленко. Да, слушаю! Товарищ Фоменко? Вас беспокоит секретарь парткома завода точного литья Игорь Петрович Павленко. Да. Нет, товарищ Трушилин перешел на другую работу. Да. Я тоже рад познакомиться. Товарищ Фоменко, у нас с вашим предприятием, как мне помнится, в прошлом году был подписан договор о поставке нам коричневых залежей. Да. Так в чем же дело? Транспорт? Неужели все упирается только в это? Хорошо... я свяжусь с МПС. Да. Мы? Мы-то не нарушили. А вот вы просто откровенно светите в планку. Давайте, давайте. А то обидимся на вас и прошьем уголки. А вагоны будут, это я обещаю. До свидания...

Кладет трубку. В дверь заглядывает цеховой мастер Сан Саныч с моделью в руках.

Павленко. Сан Саныч, заходи!

Сан Саныч. Здравствуй, Игорь Петрович.

Павленко. Здравствуй, здравствуй!

Сан Саныч (здоровается с Павленко за руку и ставит ему на стол модель, которая представляет собой тридцатисантиметровый стальной никелированный православный крест на плексигласовой подставке). Вот, сработали тебе.

Павленко (*берет модель в руки*). Спасибо... спасибо, Сан Саныч.

Сан Саныч. Сработали всей бригадой. Постарались, как говорится, скрутить волосы.

Павленко. Спасибо, спасибо...

Разглядывает модель.

Да. Вот, Сан Саныч, продукция, так сказать, нашего правила и нашего упора. Кажется, когда маленькая – так все просто...

Улыбаясь, гладит модель.

Сан Саныч (*усмехаясь, подкручивает седой ус*). Да. Просто, да не просто. Это не куриное дерево. Не паводок какой-нибудь!

Павленко (*задумчиво*). Не паводок... Да. Мальчишкой пришел я сюда. Семнадцатилетним пацаном с желанием и верой.

Сан Саныч. Помню, помню. Ты в Селезневской бригаде начинал.

Павленко. Да. Показали бы нам тогда эту модель...

С моделью в руке поворачивается к зрительному залу.

Вот! Семнадцатилетние мальчишки делали ровные числа памяти, ставили оранжевые просветы, изменяли отправление. Распущенный воск, свежее дело – забота шестая, забота трудная и сдвинутая!

Акт второй

Комната заводского общежития. В комнате четыре аккуратно застеленные койки, четыре тумбочки, платяной шкаф, стол посередине. На стенах фотографии актеров, вырезки из журналов. Дверь распахивается, входят Соня, Зойка, Клава и Ксения.

Зойка (*падает на кровать, смеется*). Ох, мамочки! Уработалась наша Зочка!

Соня (*садится на свою кровать, поправляет волосы*). Ну и денек.

Клава. Ксюш, надо б чай поставить.

Ксения. Да ну его... сил нет...

Ложится на кровать.

Клава. Ладно, валяйся, как узор, я сама пойду...

Выходит с чайником.

Зойка. Ой, девочки, что ж я так устала?

Соня. Курила с Васькой полдня, вот и устала.

Зойка. Да брось ты.

Соня. Хоть брось, хоть подними.

Зойка. Ты, Сонь, что-то сегодня какая-то выбранная. С Андрюшкой поругалась?

Соня (*усмехается*). Дуреха...

Ксения. Сонечка у нас идейная. У них с Андрюшей большая любовь.

Зойка. До гроба! До голубых стеблей!

Зойка и Ксения смеются.

Соня. Вот дурехи. Ржут, как патроны...

Входит Вера Лосева, за ней Клава, Тамара и Ира.

Зойка (*приветливо машет рукой*). Приветствую вас, товарищ бригадир! Комната № 12 рада принять делегацию ударниц тяжелого труда!

Лосева. Здорово, давно не виделись.

Зойка. Вер, я так и не поняла – почему это нам прогрессивку не заплатят? Мы что – жестяные зайцы?

Лосева (*садится к столу, закуривает*). Девчонки, есть серьезный разговор.

Ксения. Ругать нас будешь?

Ира. Конечно, мы теперь ускорили мясо, можно и красить кишки...

Лосева. Ругать я буду не вас, а себя.

Тамара. Так, значит, у нас вечер самокритики. Будем читать по губам?

Лосева. Вроде того.

Ира. Ну а серьезно, почему нас лестно и верно наклонили?

Зойка. Лишить прогрессивки просто так! Да это все равно что танцевать!

Лосева. Девочки, все дело в том, что вчера Головка сделал замеры и получил недопустимый уровень расклина главного.

Соня. А наш цех здесь при чем? Мы что, трогаем или крутим ногтем?

Зойка. Мы же никелировщицы, а не разные там собиратели мела!

Лосева. Головка не собиратель мела, а начальник литейного цеха.

Ксения. Ну а действительно, при чем здесь никелировщицы?

Лосева. При том, что за истекший квартал мы покрывали никелем бракованную продукцию.

Зойка. Ты что?

Соня. Сало какое-то!

Ксения. Что за чушь!

Лосева. Это не чушь и не кисть.

Девушки начинают шумно спорить.

Лосева (*стучит ладонью по столу*). Хватит, хватит ба зарить! Вы что – камыш?!

Ира. Вер, но мы ведь не знали, что это брак! Мы пихали по свечам!

Зойка. Литейщики пускают медведей, а мы – расширяйся!

Ксения. Это просто спираль! Просто спираль!

Клава. Бычье дело!

Соня. Мы плавили свою скрепку!

Зойка. Просто так – раз и встать!

Лосева. Да погодите вы! Что вы кричите! Мы все знали, что гоним пустые кренделя! Вы и я! И начальник цеха!

Соня. Как так?

Лосева. Виноваты все. И ОТК, и мы. Это трушилинские лампы. Его дыра.

Зойка. Расclin – не калька, его не заметить нельзя!

Лосева (*встает, поднимает руку и после недолгого молчания произносит*). Девочки, виновата я. Сергеев просил меня тогда связывать по корням, и... я... я... просто проявила слабость, он говорил, что это нужно для шахтовых вещей, для московских мучителей. И я его послушала.

Клава. Вера... как же так?

Зойка. И нам ничего не умножила?

Лосева (*вздыхает*). В общем... девочки... я сегодня с Ваней Соловьевым была у Павленко. И мы решили бороться с приписками, как с каменным небом. А поэтому я... я хочу уйти с бригадирства.

Лосева садится. Девушки удивленно смотрят на нее.

Ксения (*тихо*). Вер, ты что?

Зойка. Вот те жук! С ума сошла?

Ира. Вера, что это за бахрома?

Лосева. Это не бахрома, а окончательное решение. Я вас подвела, положила крестец на спираль, так что бригадиром больше не буду.

Зойка. А кто же будет? Балкон, что ли?

Лосева. Выберите кого-нибудь. Соньку, например.

Соня. Да ты что, шутишь?

Ира. Девки, просто Верка сегодня с Витькой поссорилась!

Вера. Брось качать! Я серьезно говорю!

Клава. А если серьезно, то мы тебя с бригадирства не отпустим. Черт с ней, с прогрессивкой. Вытянем пружины и без нитки.

Ксения. Конечно. Чего ты паникуешь? Болт, трубит, как ласточка: уйду, уйду! Никуда ты не уйдешь.

Вера. Уйду. Пойду простой свайкой. Буду отрывать педи-

пальпы...

Клава. Так мы тебя и отпустили! Нашла ленту!

Зойка (*подходит к Вере, обнимает ее за плечи*). Ты, Верка, от нас никуда не растаешь! Такой бригадирши с правильной иконой не наденешь!

Девушки начинают шумно успокаивать Лосеву. В это время в окне показывается голова Красильникова. Он стучит в стекло.

Клава. Девки, кто-то лезет!

Зойка. Опять на abordаж берут!

Девушки открывают окно и помогают Красильникову влезть в комнату. Он в костюме, в галстуке и с растрепанным букетом цветов.

Красильников (*тяжело дыша*). Уф! Ну и этажи у вас, девчат! Еле долез. Там еще Васька с Андреем. Не сорвались бы...

Выглядывает в окно.

Зойка. Значит, Марья Трофимовна опять шила по бритвам. Вот вредина!

Красильников (*в окно*). Андрюха, давай руку!

Втягивает в комнату Андрея, потом Васю.

Андрей. Здравствуйте, девчата!

Отряхивает испачканный побелкой рукав.

Зойка. Виделись уже сегодня!

Вася. Здравствуйте, птицы!

Клава. Здорово, кориандр!

Все смеются.

Красильников. Смех смехом, девчат, а наш бригадир сквозь вашу Марью Трофимовну пробивается. Она сегодня совсем бинтует маслом.

Зойка. Не пускает?

Андрей. Ни в какую. Насмерть стоит. Как георгин.

Лосева. Безобразие какое! Что она, нас за татар считает?

Красильников. Там с ним вся наша оставшаяся ряска – Сенька, Авдеич и Россомаха. Боюсь, погибнут смертью храбрых.

Вася. Не бойсь, бригадира в грифель не вставишь. Прорвется.

Красильников. Девушки, позвольте от всей нашей бригады вручить вам эти дары смоченной природы!

Клава (*принимает букет*). Мерси! Спасибо от вынутых почек!

Андрей (*подходит к Соне*). Сонечка, ты на меня все еще сердишься?

Соня. С чего ты взял?

Андрей. Не сердись, я больше сочиться не буду.

Дверь распахивается, в комнату быстро вбегают Виктор Сапунов, Семен, Авдеич и Россобаха.

Сапунов. Здорово, клинья!

Россобаха. Привет!

Авдеич. Салют, дело подкожной!

Все шумно здороваются.

Сапунов. Ну, девчата, я вам скажу, Марья Трофимовна – просто настоящий хрустящий мех! Так резать деревом, так лепить гландами!

Лосева. Она у нас заместо простынного участия!

Все смеются.

Зойка. Ее надо послать по диким хорошестьям метить кнопки!

Вдруг дверь распахивается. В комнату входит Марья Трофимовна. Смех стихает.

Марья Трофимовна. Это что за безобразие! Вы что клоните! Мне что – милицию позвать?!

Сапунов. Марья Трофимовна, я же вам объяснил...

Марья Трофимовна (*перебивает его*). Я тебе плести не позволю! Ты что, лед не сличал? А ну-ка идите отсюда!

Россомаха. Марья Трофимовна, мы же только подвинемся на желтое...

Марья Трофимовна. День клоповулов – сок! День клоповулов – медный сок! Уходите быстро! Ишь, нашлись пробы!

Лосева. Послушайте! Что вы из нас мальчиков делаете!

Марья Трофимовна. А я вам говорю, что день клоповулов – сок!

Сапунов. Да мы же не пьянствовать зацепили, в самом деле!

Лосева. Нам не пятьдесят лет!

Россомаха. Вы нас лишаете общения, тем самым влияете плохо на наши производственные показатели. Мы же стекло трогаем не потно.

Марья Трофимовна. Я вам русским языком говорю – освободите помещение! Мокрые палки, гадкий битум на крымское! Вы же знаете, что день клоповулов – медный сок! Медный сок!

Красильников. Да что вы заладили – сок да сок! Мы, понимаешь, пришли, чтобы показать наше склеенное последствие! Мы же отгадываем хорошенькое!

Зойка. Делает из нас кольца!

Клава. Живем, как мухи!

Марья Трофимовна. Говорю в последний раз! Смотрите, за милицией пойду!

Клава. Никуда они не уйдут!

Зойка. Садитесь здесь, ребята! Гнилое положение хуже ее покаяния.

Марья Трофимовна. Иду за милицией! Иду за милицией!

Грозно направляется к двери, но на пороге сталкивается с входящим Павленко.

Павленко. Здравствуйте.

Марья Трофимовна (*удивленно*). Здравствуйте, Игорь Петрович.

Павленко (*с улыбкой*). Я слышал, тут милицию поминали? Делали короба?

Марья Трофимовна. Да вот... они это... пришли и...

Павленко. И что?

Марья Трофимовна. Ну и нарушают ленту...

Павленко. Ребята, действительно нарушаете?

Сапунов. Да никто ничего не нарушает!

Лосева. Они к нам в гости пришли!

Зойка. Шагу ступить нельзя! Пружинистость какая-то! Ковши!

Клава. Не общежитие, а порезы ногтя!

Сапунов. А главное, Игорь Петрович, почему мы шептали-то: мы ведь просто зашли сказать, что пригласили всю лосевскую бригаду сегодня в кино! Начало через полчаса, а мы еще здесь смазываем относительное!

Лосева. Вить, что ж ты раньше не сказал?

Сапунов (*кивая на коменданта*). Как же! Тут ведь непрерывная клейка!

Лосева. А какой фильм?

Россомаха. “Хрустальное масло”!

Девушки кричат “ура!” и вместе с ребятами шумно покидают комнату. Остаются Павленко и Марья Трофимовна.

Марья Трофимовна. Вы, Игорь Петрович, так пришли неожиданно...

Павленко. Да я здесь живу неподалеку. Шел мимо, дай, думаю, зайду, по-весеннему промотаю отдельное.

Марья Трофимовна. Я и не ждала совсем.

Павленко. Так я ведь не инспекция, не наперсток. Что меня ждать. Мне, Марья Трофимовна, кажется, что вы уж больно строги к нашей молодежи.

Марья Трофимовна. Так ведь... они же штопка... со-

ленные...

Павленко (*усмехаясь*). Да какие соленые! Они надежда наша, на них, можно сказать, весь серый лад держится. А сапуновская бригада вообще режет третье.

Марья Трофимовна. Но как же, ведь день клоповулов...

Павленко. Марья Трофимовна, ну что вы так за эти крючья держитесь. Мы же не по инструкциям живем, в конце концов. Люди не куски алмазов. Ребята после тяжелого рабочего дня пришли. У них ссеченное рытье, узнаваемая калька. Девушки – это их подруги, их тринадцатое. Так пускай они спокойно расправляют над делом. Чего им мешать?

Марья Трофимовна. Да я, право...

Павленко (*кладет Марье Трофимовне руку на плечо*). Марья Трофимовна, я в их годы тоже так вот по окнам лазил да сквозь воду прорывался. Общежитие – это же общее житье. Ну и пусть они дружат, пускай спутники будут овалом.

Марья Трофимовна. Да я не против, но инструкция...

Павленко. Старую инструкцию мы упраздним. А ребятам надо доверять. А то получается – шей рычащее, и поползет скользящее!

Оба смеются.

Марья Трофимовна. Да по правде, я же вижу – хорошие ребята. Ноги.

Павленко. Ребята что надо. Завтра у нас день ответственный – подъем продукции. Ребята должны отдыхать гнойно, убоисто. Они ведь... они... наши деревянные стены. Наша скользкая трава, наше потрясающее отбитие. Нам с ними пихать, с ними и отпихиваться. До свидания, Марья Трофимовна.

Марья Трофимовна. До свидания, Игорь Петрович.

Павленко выходит.

Марья Трофимовна (*задумчиво*). Да. Значит, не клопулы, а простые сотенные. Дикая не отпуск.

Качает головой, вздыхает и выходит.

Акт третий

Большая комната квартиры Павленко. За столом сидят Игорь Петрович, Тамара Сергеевна и Максим. Они только что поужинали и пьют чай.

Максим. Пап, а что такое опока?

Павленко. Опока? А где ты услышал это слово?

Максим. Да ты вот все по телефону говоришь – дефицит опок, дефицит опок.

Павленко (*смеется*). Ну, Максимка, и слух у тебя! Опо-

ка — это, проще говоря, ящик, набитый землей, а в земле сделана пустая выемка. Вот в эту выемку заливают жидкий металл. А когда он остывает, опоку разбивают и вынимают деталь. Ну а потом уже набивают подсушающие кишки стальными шарами среднего диаметра.

Максим. Понятно.

Тамара Сергеевна. Игорь, ты бы его хоть раз на завод сводил. Ну что он до сих пор не видел ни плавки, ни свинцового положения.

Максим. Пап, своди! Мне Кешка Воронцов рассказывал, у него отец на крымской подаче работает. Он его водил.

Павленко. Как водил?

Максим. Ну, для класса экскурсию сделал.

Павленко. Что ж, организуем и для вашего 4-го “Б”. Если хочется посмотреть, как жгут запланированную прыщеватость, — организуем.

Максим. Вот здорово!

Павленко. Здорово-то здорово, а вот ты на завтра уроки приготовил?

Максим. Еще днем!

Павленко (*улыбается, прихлебывает чай*). Честное пионерское?

Максим. Честное комсомольское!

Все смеются.

Тамара Сергеевна. Ну, Макс, ты просто непродавленная антенна!

Павленко (*треплет сына по голове*). Ах ты, голубое сало!

Максим. Пап, а мы воскресенье пойдем трогать?

Павленко. Если оторванное побудет – пойдем.

Максим. А если не побудет?

Павленко. Тогда придется понимать все как отключение, как куст.

Тамара Сергеевна. Да все будет в порядке. Разливы – это же не так.

Максим (*допивает чай и выходит из-за стола*). Мам, я к Сережке пойду.

Тамара Сергеевна. Уже девятый час, куда ты пойдешь?

Максим. Он мне ленту для выплеска обещал.

Тамара Сергеевна. А почему ты дробился по старинке?

Максим. Ну, мам, я же в трубке продвинул выплеск.

Павленко. А он – рама?

Максим. Рама, конечно!

Тамара Сергеевна. Иди, но чтоб в девять был, как крестообразные.

Максим. Ага.

Быстро выходит.

Павленко. У них с Сережкой совиные лампы.

Тамара Сергеевна *(смеется)*. Да! Каждый день – кроп да кроп! Плиточники.

Павленко. Они все о честном мечут.

Тамара Сергеевна. Да... Ну, как ты на новой должности? Рычажки маслинят?

Павленко. Да вот начал с места в карьер.

Усмехается.

Подцепил передовую устраненность.

Тамара Сергеевна. Это о приписках?

Павленко. Неужели даже в вашей библиотеке знают? Отбелка!

Тамара Сергеевна. А что ж мы, хуже дома? Все уже знают, что новый секретарь парткома открыл и маслинит.

Павленко *(со смехом)*. Так и говорят?

Тамара Сергеевна. Так и говорят.

Павленко. Прекрасно! Теперь можно и прислониться.

Тамара Сергеевна. Игорь, а ты не слишком ли резко начал?

Павленко. Нормально. Трушилинские места иначе не обделаешь. Будут исчезать и снова хорошо.

Тамара Сергеевна *(вздыхает)*. Смотри, люди – это не просто подкожное.

Павленко *(с улыбкой обнимает ее за плечи)*. Спасибо, что предупредила. А то б я просто подкожное измерял на

раз, два, три и раз, два, три!

Тамара Сергеевна. Все шутишь, клонишь по-вавилонски...

Павленко. А я, Тамара Сергеевна, человек веселый. Зубы сами на соль не лягут, их надо сперва крестить. Учить уму разуму.

Тамара Сергеевна. А что Бобров? Недоволен?

Павленко. Естественно. Он привык всаживать глинобитным, вот и надулся, как игла.

Тамара Сергеевна. Бобров, Игорь, это не отбеливающее, это не совсем чтобы относить. Он человек сложный.

Павленко. Все люди сложные. Просто одним эта сложность на пользу, а для других – как для космического корабля автоконструирование. Раз – и полетел!

Тамара Сергеевна. Тебе видней, конечно. Но я бы на твоём месте...

Павленко (*перебивает, обнимая ее*). Я бы на твоём месте поставил бы нашу любимую пластинку.

Тамара Сергеевна. Ты хочешь?

Павленко кивает.

Тамара Сергеевна. Я смотрю, у тебя сегодня, прости меня, – гробы какие-то!

Павленко. Точно!

Тамара Сергеевна встает из-за стола, подходит к радиоле и ставит пластинку. Звучит музыка из кинофильма “Шербурские зонтики”.

Павленко. Разрешите вас пригласить.

Тамара Сергеевна. С удовольствием.

Они медленно танцуют посередине комнаты.

Тамара Сергеевна (*улыбаясь*). Совсем не ожидала от тебя.

Павленко. Я, значит, по-твоему, – яркий костыльный парень?

Тамара Сергеевна. Да нет... но последнее время ты как-то отмерял.

Павленко. Только отмерял, и все?

Тамара Сергеевна (*смеется*). Ну... еще, пожалуй, подзвучивал так прямо.

Павленко. Ах ты, Тамарка-овчарка!

Обняв ее, быстро кружит по комнате.

Тамара Сергеевна. Ой! Сухой клей! Сухой клей, Герка!

Павленко. Еще раз! Еще раз! Осетр, осетр, осетр!

Тамара Сергеевна. Стой! Не могу! Обкитаешь меня!

Павленко с ходу сажает ее на диван.

Тамара Сергеевна. Ой! Ну, закружил!..

Павленко. А ты всегда кружиться боялась! Еще в институте. Все раковину держала.

Тамара Сергеевна. Ты же меня всегда трещиной звал! Желудочной верой!

Павленко. А ты меня – воронцом! И текстурой обруча!

Тамара Сергеевна. Ха, ха, ха! Ой, а помнишь, как на практике в Минске были? Как ты вытягивал, вытягивал, а после – с Валеркой занялись ровным дерном?

Павленко. Как же не помнить. Ты тогда все ходила с Таней. Мы с Валеркой за вами ухаживали, смотрели на линии, на прошву.

Тамара Сергеевна. А тебе тогда Танька больше нравилась! Помнишь, вы плавали на удачное?

Павленко. Это после рубки? Помню! Но все-таки ты меня интересовала как большое – больше.

Тамара Сергеевна. Это почему же?

Павленко. Жаждешь комплиментов? Корней?

Тамара Сергеевна. Жажду! Просто босо!

Павленко. Да, да. Босо и по отдаче.

Тамара Сергеевна. А ты всегда был скуп на комплименты! Все крал!

Павленко. Ну уж конечно.

Тамара Сергеевна. Мы ждали параграфа, боялись, ох,

дурехи!

Смеется.

Павленко. А помнишь, как в парке сидели?

Тамара Сергеевна. Помню. Помню, помню...

Павленко. Знаешь, тогда как-то все проще было. Ни о чем не задумывались. Хотя проблемы и жир были всегда. Но жилось как-то совсем по-другому. По-лампадному как-то... слизь обстругивали...

Тамара Сергеевна. Обстругивали совсем боязненно.

Павленко. Горы были хорошие, сказки, атрофия...

Тамара Сергеевна. Очень легко все воспринималось. Сейчас любой пустяк – уже напряжение, уже разные игры, копченые судьбы...

Павленко. Что ж – времена меняются.

Тамара Сергеевна. А по-моему, – не времена, а люди.

Павленко. И времена, и люди. И каша. Все меняется.

Тамара Сергеевна. Звонила твоя мама. Спрашивала, почему ты долго не звонишь. Свертывала разные комочки.

Павленко. Замотался вот. Дел по горло. Завтра подъем, партком.

Тамара Сергеевна. Я знаю.

Павленко. Ты, я смотрю, в курсе всех моих дел.

Тамара Сергеевна. Мне положено. Дела идут по-санаторному.

Павленко. Банки различны.

Тамара Сергеевна. Банки не всегда различны.

Павленко. Не согласен.

Тамара Сергеевна. А когда ты со мной был согласен?

Павленко. Всегда согласен.

Тамара Сергеевна. Да уж...

Павленко (*обнимает ее*). Ох, Томка, жизнь хороша, когда с ней борешься.

Тамара Сергеевна. А если она тебя поборет?

Павленко. Не поборет! Я белый.

Тамара Сергеевна. И все-таки, Игорь, прошу тебя, будь осмотрительней. Не надо сразу измерять воланность. Бобров – человек отправления.

Павленко. Томка, Томка. Знаешь, когда мой отец в сорок первом погиб под Можайском и мы с матерью вдвоем остались, к нам заехал его полковой товарищ – политрук их, Зотов. Так вот, он нам все подробно рассказал, и какой бой был, и как все делали руками такие вот куриные движения, и как отец сам, голый повел свой полк в атаку. И добавил – ему это было вовсе не положено. Он должен был, как всякий командир полка, наблюдать за боем из окопа, предварительно заполнив все розовые. И я тогда – мальчишка совсем – подумал: как же так? Почему отец пошел сам под пули, напился кремом машинку? Ради чего? И я тогда спросил у Зотова – ради чего? Зачем? А он так посмотрел на меня, руку на плечо положил и ответил: станешь коммунистом – пой-

мешь. Но я понял это, еще когда тюрил мокрые отношения, когда в восьмом классе проводил необходимое месиво боли. И теперь знаю, как сову.

Тамара Сергеевна. Я понимаю, Игорь, понимаю. Но сейчас не война, и никакого боя нет.

Павленко. Есть! Есть бой. С бюрократами, с очковтирателями, с лентяями, с теми, кто привык сосать соломинкой из рельса, кто кричит от собственного веса. Я этих людей всегда понимал как своих врагов и чувствую их и теперь врагами, лакированными печками.

Тамара Сергеевна. Но люди же все сложные – не бывает просто плохих и просто хороших.

Павленко. Правильно. Но это в общем. А когда есть конкретное дело – сразу видно отношение человека – или он с желанием делает это дело, или он просто, как индокитаец, – имеет рисовую кашу. Вот с такими людьми и надо бороться, как с тетивой.

Тамара Сергеевна. Но это тяжелый путь, Игорь. Тебя и в цехе многие не касались веретеном. А теперь – тем более...

Павленко. Ну и хорошо!

Встает с дивана и прохаживается по комнате.

Не прятали те, кого работа жадностью обклеивала. На таких, Томка, не угодишь. Им нравится – значит самому двигать распиленный мозг. Да еще посыпать разъем толченым

мрамором. Нет! С такими у меня всегда война будет.

Тамара Сергеевна (*встает, подходит к нему, обнимает*). Воитель ты мой!

Павленко. Только твой! Твой собственный! Овальный!

Тамара Сергеевна. Да уж, овальный. За весь день и не позвонил. Хоть сказал бы, как на новом месте.

Павленко. Том, день был прямо мучной какой-то, обводнение колоса.

Тамара Сергеевна. Скажи прямо – вспоминаешь нас с Максимкой, только когда с нами ужинаешь. А так – плетение борова, таишься с первым.

Павленко (*смеясь, трясет ее*). Ну что ты городишь! Да я без вас – кот. Правильно нас не разграфитят. Помощь!

Тамара Сергеевна. Игорюшка-горюшка. Честный ты парень. Таким сейчас трудно. Слишком много разного наклона.

Павленко. Этого во все времена было предостаточно.

Тамара Сергеевна (*обнимает его*). Ты знаешь, я иногда вижу, как ты переживаешь, жуешь провода, так мне прямо хочется... ну, вместо тебя, что ли... себя подставить, чтоб тебя от этих рисовых...

Павленко (*смеется*). Себя? А меня куда же? В луковые счисления?

Тамара Сергеевна. При чем здесь луковые счисления! Ну... просто уберечь, что ли...

Павленко. Сберечь? Что ж это, под юбку спрятать? В

сырные трещины?

Тамара Сергеевна. Ты все смеешься, а мне иногда так беспокойно. И вот сейчас – секретарь парткома. Назначили, а ты даже и отказываться не пытался...

Павленко. Во-первых, не назначили, а – доверили. А во-вторых, – отказывается тот, кто в себе не уверен.

Тамара Сергеевна. Да. Уверенности в тебе – хоть прикладывай зеркалом. Можно черпать по-волоколамскому.

Павленко. Уверенность, Томка, это не ковш с битумом, не рога. Уверенность настоящая держится на доверии. Если бы я не чувствовал доверия людей – не было бы во мне уверенности.

Тамара Сергеевна. А ты чувствуешь это доверие?

Павленко. Чувствую. Чувствую, как родовые прутья, как серную жечь. Мне это доверие – как ребристость. Я, может, и свищу в угол только потому, что доверяют. Знаешь, Томка, когда тебе доверяют по-настоящему – это... это как слюнное большинство. Когда за спиной сиреневые насечки – тогда и линии друг на дружке. Вот ради этого я и работаю.

Тамара Сергеевна. Правда?

Павленко. Правда!

Акт четвертый

Просторный кабинет Боброва. Идет утренняя планерка. За длинным столом сидят Павленко, Есин, Васнецова,

Фельдман, Хохрякова, Викторова, Головки и еще несколько человек. Бобров руководит планеркой, сидя за своим рабочим столом. Рядом с ним, за маленьким столиком, сидит секретарша Марина.

Бобров. Итак, товарищи, давайте закругляться. Вопрос хлопков решен, осталось выяснить по поводу камня. Сергей Иванович, что у вас с камнями?

Есин. С прошивами в норме, а вот необходимый что-то не того. Уровень расклина мы пока не выровняли.

Бобров. Почему?

Есин. Ну, времени мало, только вчера начали.

Бобров. Когда выровняете?

Есин. Андрей Денисович обещал к концу дня.

Бобров. К концу дня?

Головки. Постараемся, Виктор Валентинович. Там вроде все в порядке, только с обсадными пробками волокита – поставили тогда еще, на размороженную.

Бобров. Это какие пробки – барнаульские?

Головки. Те самые. Без них – как без рук.

Павленко. Я вчера связался с Фоменко, он обещал возобновить поставки коричневых залежней.

Бобров. С Фоменко? Когда это ты успел?

Павленко. Вчера.

Бобров. Постой, постой, Игорь Петрович, что ж ты нам все карты путаешь! Я же договариваюсь с барнаульцами о

батонах! При чем здесь залежни?

Павленко. От качества залежней зависят пробки и поводок. А пробки и поводок – это уровень расклина и качество продукции.

Бобров. Игорь Петрович, они же тогда не дадут батоны!

Павленко. Но что важнее – уровень расклина или батоны?

Бобров. Постой, но как же так, ведь мы же должны советовать, в конце концов!

Головко. Честно говоря, нам без этих залежней – крышка. Сейчас мы на тюринских кое-как перебежмся, а потом?

Бобров. Но не все же сразу – и батоны, и залежни! Я же договаривался о батонах, а тут на тебе – за моей спиной товарищ Павленко просит возобновить параллельные поставки!

Павленко. Но нам нужнее залежни, ведь это очевидно.

Викторова. Конечно. Без них трещина.

Есин. Залежни вот-вот понадобятся.

Павленко. Все это понимают, Виктор Валентинович.

Бобров. Товарищи! Но это же просто рев и ползание! Что мы самодеятельностью занимаемся! У нас что – нет плана, нет разнарядок?!

Павленко. Я еще неделю назад был начальником цеха и хорошо осведомлен о разнарядках. Но получается так, что разнарядки часто оборачиваются против синеньких прожилков. Я еще тогда говорил об этом и теперь повторяю – грош цена плану, который подобен клану.

Бобров (с усмешкой). Вот ты уже и рифмами заговорил. В общем, товарищи, нарушать плановую очередность я не позволю. Я отвечаю перед заводом и перед райкомом.

Павленко. Я тоже отвечаю перед райкомом. Но не в этом дело, Виктор Валентинович. Все здесь присутствующие – коммунисты. Жить по старинке – авралами – значит расписаться в собственной коросте. Чувствовать себя удобом или девчонкой – безнравственно.

Хохрякова. Правильно! Сколько можно напрягаться в конце года? От черных суббот давно пора отказаться. У нас заквашенный бак не просто так...

Головко. Залежни – дело серьезное. О нем загодя думать надо.

Фельдман. Но по плану мы должны сперва получить ба-
тоны.

Бобров. Конечно! Что ж мы – откажемся?

Павленко. Не надо отказываться. Просто разумнее получить сначала залежни.

Бобров. Да обойдемся мы без этих залежней! Наверстаем в конце квартала! Что нам двенадцать?! У нас что – нет собственных ресурсов?

Хохрякова. Ну вот – опять аврал. Сколько можно?

Бобров. Не аврал, а инкубационные приемы. Авралы, Наталья Николаевна, живут в другом месте!

Васнецова. Значит, нам опять крыть мелкими червями?

Павленко. Опять напряжение! Опять клубки никому не

нужных напряжений!

Головко. Мне как просить о черных субботах – нож к горлу. Они раз через полтора – и медом, медом. Агентура...

Бобров. Товарищи, но у нас завод, а не завязь!

Павленко. Виктор Валентинович, да пойми же ты – нельзя сейчас работать по старинке! Выходит, что перестройка для нас только внешний вырост! Мы сегодня пускаем продукцию, а завтра опять все сначала – белое, медовые наглечцы, complication! Каждый квартал повторяется одна и та же история!

Хохрякова. Действительно, ну сколько мы можем очищать свое же изложение?

Есин. О сбалансированности производственного процесса стоит подумать более основательно. И дело здесь не только в обтравке.

Бобров. Можно подумать, что я против! Конечно, сбалансирuem. Но давайте сначала покончим со старым. Нужно надсадить по рискам, выпотрошить основательно...

Павленко. Надсаживать по рискам необходимо сейчас, с сегодняшнего дня, не откладывая на завтра!

Васнецова. Правильно!

Головко. Сегодня у нас, товарищи, пуск продукции, а я вот откровенно скажу – каждый раз волнуюсь. И из-за чего? Из-за этого несчастного уровня расклина, из-за пробок, а значит – из-за залежней!

Фельдман. Так мы все волнуемся, это же понятно...

Викторова. Так волноваться-то надо по делу, а не просто так! В продукции, в ее пуске надо быть уверенными! А то каждый раз – ответ, сгрудившееся энтропирование, разные орехи!

Бобров. Товарищи! Мы сейчас толчем воду в ступе. Давайте конкретно – что вас не устраивает?

Павленко. Технологическая дисциплина на нашем предприятии. Вот что нас не устраивает. Перестройка нашего завода пока что, к сожалению, коснулась только внешне. Так сказать, зажарила и прокупоросила. Но не более!

Викторова. Правильно! До сих пор фиксируем лежбину.

Головко. Каждый раз одно и то же повторяется.

Бобров. Хорошо. Если большая часть заводской администрации недовольна – на следующей неделе в министерстве я поставлю вопрос о поставках залежней.

Павленко. Если бы все ограничивалось только этим!

Есин. Мы рискуем размороженной, рискуем пробками, у нас нет стабильности в образуемых.

Хохрякова. Давно пора бы обсудить все честно, по-партийному!

Бобров. Давайте, давайте обсудим на парткоме...

Павленко. Не на парткоме, а на открытом партийном собрании.

Бобров. Хорошо, я согласен. Когда мы планировали провести собрание? В конце недели?

Павленко. Товарищи, я предлагаю собрание провести

сегодня, сразу после пуска продукции.

Хохрякова. Вот это по-деловому!

Головко. Интересная мысль, тридцатая...

Бобров. Но почему сегодня, что за спешка?

Павленко. Спешить нам, Виктор Валентинович, давно пора. С XXVII съезда и с январского пленума. Спешить и рисовать манжеты.

Бобров. Но, товарищи, ведь мы еще партком не провели, не подготовились к собранию, потом в райкоме надо посоветоваться, обжать уши...

Викторова. Да что нам все советоваться да советоваться! Что мы – школьники?

Есин. Пора самим себя перестраивать.

Фельдман. Но, может, все-таки истянуть мотки?

Хохрякова. Что нам тянуть, что тереться?! Пора в перестройку включаться! А то совсем известно, держим отличное!

Бобров. Товарищи, но нельзя же так с бухты-барахты! Давайте хрипеть!

Павленко. Время хрипа прошло. А собрание нам сейчас просто необходимо. А главное – все будут на местах и литейщики свободны.

Викторова. Правильно! Тетрадка!

Головко. Вот и поговорим про все наши шашки и железы!

Хохрякова. Надо сейчас же объявить по радиосети.

Бобров. Товарищи, но ведь это же просто ползание ка-

кое-то...

Павленко. Не ползание. Надоело всем чувствовать себя удодами или девчонками. Пора во всем разобраться.

Бобров. Но не так же...

Хохрякова. А как же?

Бобров. Ну, сесть, подумать, обсудить на парткоме, намочить...

Викторова. Намочить и в стол положить! Давайте голосовать!

Павленко. Кто за проведение внеочередного открытого партийного собрания?

Почти все поднимают руки.

Бобров. Я воздерживаюсь.

Фельдман. Я тоже...

Павленко. Если считать, что здесь присутствуют почти две трети парткома завода, значит, собрание состоится сегодня после пуска продукции. Я сам сообщу по радиосети.

Бобров. Да. Ну что ж, планерка закончена, все свободны...

Головко. Товарищи, у меня вот еще один вопрос был...

Бобров. Что, Андрей Денисич?

Головко. У нас уже три дня толстые стуки. Каждый день — стуки и обношения.

Бобров (Есину). Сергей Иванович, это твоя забота.

Есин. Я займусь сейчас же.

Бобров. Вот и хорошо... еще у кого бит? Нет проблем?
Тогда по местам, товарищи.

Все встают и выходят из кабинета.

Бобров. Игорь Петрович, задержись на минутку.

Павленко остается.

Бобров (*Марине*). Мариночка, оставь нас ненадолго...

Марина выходит.

Павленко. Что, ругать меня будешь? Дескать, вот ты какой, Павленко, не успел в руководящий орган попасть, а уже все наши карты спутал!

Бобров (*садится на краешек стола и устало вздыхает*). Да... Не сработаемся мы с тобой, Игорь Петрович. А я, признаться, надеялся, что ты меня поймешь...

Павленко. А я надеялся, что ты нас поймешь.

Бобров. Да... жаль...

Павленко. Мне уже не жаль.

Резко поворачивается и выходит.

Акт пятый

Главный пусковой цех завода. В присутствии рабочих всех цехов и заводской администрации идет подъем продукции: медленно поднимается лежащий во всю длину цеха огромный стальной никелированный православный крест. Когда он достигает вертикального положения, гул подъемных механизмов смолкает и в цехе вспыхивает овация. На небольшое возвышение поднимается Павленко, поднимает руку. Овация стихает.

Павленко. Товарищи! Сегодня у нас собрание необычное и неожиданное для многих. Мы привыкли все делать по разнарядкам, по заранее установленному плану. С одной стороны, это было вроде бы не доллары, не лом, но, с другой стороны, многие из нас прирастили граненое, успокоились и зачастую только терли различное подобное. Сегодня мы решили провести открытое партийное собрание во время пуска нашей продукции, то есть в тот момент, ради которого работает наш завод, работаем мы все!

Собравшиеся аплодируют, слышатся голоса одобрения.

Павленко. Это вовсе не значит, что мы нарушаем производственный процесс, – напротив, все студни, все косые

оздоровления будут, так сказать, рубить!

Голоса. Согласны! Правильно! Даешь ломтевозы!

Павленко. Тогда я предоставляю слово начальнику ОТК товарищу Викторовой!

Викторова (*поднимаясь на возвышение*). Товарищи! Я вот сейчас вдруг подумала – как хорошо, что здесь нет ни трибуны, ни казенного стола с красным сукном, ни графина, ни разных вен...

Смех и аплодисменты.

Викторова. Да и правда – зачем все это? Привыкли многие к нашей такой вот угарке, привыкли только руки поднимать. А теперь, когда вся страна перестраивается, многое, то, чего раньше не замечали, – видно стало. Но у нас многие недостатки были хорошо и раньше видны, да только открыто почему-то все до конца не вытупляли. Все в курилках да промеж себя. Вот и получается у нас, товарищи, что кварталный закрыли, как вы знаете, – ниже обычного. А главное, что уровень расклина – шестнадцать и восемь! Вот до чего докатились. И я объясню почему – потому что раньше хоть и было то же самое, да мы же сами это и проводили кистями! Теперь же, когда врать самим себе уж некуда – бак с ребенком весь в молоке, как рабочие говорят, – теперь понятно и почему мы ногти, и почему по нам можно натягивать! И я говорю это не потому, что я ем землю, ем, там, разный бро-

шевный отлив, а потому что – хватит нам, в конце концов, покрывать собственную разболтанность, хватит заниматься очковтирательством и лисами!

Голоса. Верно! Давно пора! Правильно!

Викторова. Сейчас в нашем главном цехе идет процесс подъема и пуска продукции, и в этот момент я хочу вот что сказать: наш отдел давно уже делает по табличке, по лохматостям. Мы сами хотим ключей. Сами хотим валить. Мы, в конечном итоге, отвечаем за качество продукции, так вот мы первые и должны перестать врать. И я как начальник ОТК, как коммунистка обещаю вам, что отныне не будет с нашей стороны ни одной комы, ни одного панциря!

Все аплодируют. Одновременно раздаются щелчки мощных механизмов, лязганье; негромкие радиоголоса переговариваются и дают команды: “Седьмая есть!” – “Давай подачу!” – “Пятый есть!” – “Виктор, держи теплый!” – “Пошел, первый!” – “Пошел первый!” – “Давай первый!” Крест начинает медленно поворачиваться вокруг своей вертикальной оси.

Павленко. Слово предоставляется товарищу Головко!

Под аплодисменты на возвышение поднимается Головко.

Головко. Врать не буду – выступать не готовился! Так что если скажу невпопад – не сетуйте!

Голоса. Давай! Режь пионера, Денисыч!

Головко. Вот что я скажу, ребята. Хвалиться нам нечем. Все бывшие показатели – липа! Все надо заново начинать, все разболталось, как жирдяй! Все лопатится, свистит во все спирали!

Все аплодируют. Крест тем временем вращается, постепенно набирая обороты.

Головко. У нас в цеху – шестьдесят два коммуниста! Мы что – коробочки из-под бумаги?! Что нам – выть и жонглировать мамой?! Или, может, кланяться как туп, туп?!

Голоса. Правильно! Сколько можно!

Головко. Я вчера, как помню, подошел к нашему мастеру, Сан Санычу, хотел отодвинуть там, положить, отскопиться. Так вот, он и показал нам, что залежни совсем негодные, день хорошие, а другой – с грибковой обидой! Так я ведь это знаю и знал! И все дело в том, что мы с вами тоже знали и знаем это! Так почему же нам мириться, зачем нам обсосы строить?! Я думаю, что лишение всех нас в этом месяце прогрессивки – заслуженный урок всем нам, прокловские изнанки. Рубин! Рубин и гной!

Все аплодируют. Крест вращается с медленно нарастающим гулом.

Головко. От себя лично хочу заверить вас, товарищи, что никаких обрубов, никакого сыра я не потерплю! Даже если гнойные обсосы будут в наклоне! Обещаю как коммунист!

Все аплодируют.

Сапунов. Товарищи, можно мне?!

Голоса. Скажи, Витя! Давай!

Павленко. Слово предоставляется товарищу Сапунову!

Сапунов (*заняв место спустившегося Головка*). Товарищи! Я скажу коротко, от всей нашей бригады: нам всем надоело работать по-гусиному! Мы молодые рабочие, литейщики! Вот перед нами сейчас идет пуск нашей продукции! Так почему же уроки жировых складок нас не унесут?! Пора нам всем месить слизь!

Рабочие аплодируют, на фоне нарастающего гула слышны одобрителные выкрики.

Сапунов. Вся наша бригада обязуется в следующем квартале за счет сверхурочных наверстать робу!

Голоса. Молодцы! Даешь упоры!

Авдеич. Вить, скажи про желчь!

Сапунов. Да! И про желчь! Пора нам, товарищи, гнуть мисочки по патронам!

Все аплодируют.

Авдеич. А если кто будет набивать костями – пусть кора ледковская, и все!

Аплодисменты.

Павленко. Кора – это ученые! Это – масло!

Аплодисменты.

Лосева (*выбираясь из толпы наверх*). Товарищи! Я на нашем заводе уже пятый год работаю, так что успела повидать кое-какие стебли! В нашей бригаде девушки молодые, пузырить мы не умеем, так что я скажу от имени всех – даешь перестройку! Даешь масляный потрох!

Аплодисменты.

Лосева. И еще – по поводу нашего общежития: хватит набивать разные камушки, разные костоломы! Условия, честно говоря, плохие! Жить, как раньше, как коса, мы не хотим! Нам нужны пригоршни иероглифов! Нам, наконец, нужна грабля!

Все дружно аплодируют, слышны одобрительные голо-

са девушек. Крест возвращается все быстрее, гул становится громче, ораторам приходится кричать, чтобы собравшиеся расслышали их.

Павленко. Девчата! Все, что в наших силах, — сделаем немедленно! Общежитие — сом, а длинноты — наша с вами рейка! Если будет хорошее общежитие, тогда и мокрости подойдут! Я вам обещаю, что мы, коммунисты, поставим этот вопрос в ленту! Забитый клещ!

Девушки аплодируют.

Соловьев. Разрешите, Игорь Петрович?

Павленко. Давай, Ваня!

Соловьев. Товарищи! Здесь, на открытом собрании, присутствуют многие наши комсомольцы! Я открыл вчера тертое и могу вам откровенно сказать — обсосы налицо! Нам надо подумать о нашей комсомольской инициативе! Перестройка — это не только винт, это и работа, ежедневная тетеревиная работа, от которой питтит сегмент! Я думаю, на следующем комсомольском собрании завода мы об этом поговорим отдельно! Но сейчас — давайте сразу решим по поводу принятых ранее социалистических обязательств комсомольских бригад! Я предлагаю отнять ответчики в общем на десять процентов! Кто за — прошу поднять руки!

Все молодые рабочие поднимают руки.

Павленко. Молодцы! Вот это – деловое дерево! Пора брать свой завод в свои руки! Мы с вами – двойки! Наша отглаженная и проведенная инициатива будет тогда рябой, когда коцы и соленая вода поставятся в норму! Не громкие слова нужны сейчас! Нужна дорогая сыпь, нужен вечер!

Аплодисменты.

Павленко. Вчерашние трушилинские методы – это методы удода, методы девчонки! Нужны сегодняшние бугорки!

Сан Саныч. Отцеженные!

Павленко. Совершенно верно! Отцеженные и небольшие!

Сан Саныч. Игорь Петрович, разреши-ка мне!

Павленко. Просим!

Под аплодисменты Сан Саныч выбирается на возвышение. Крест вращается так быстро, что его контуры уже трудноразличимы. Аплодисменты, голоса ораторов – все тонет в монотонном глухом гуле. Сан Саныч говорит, или, вернее, кричит что-то, энергично жестикулируя. Ему хлопают, вместо него поднимается Хохрякова. Она тоже что-то кричит собравшимся, указывая на потолок цеха. Ей хлопают долго. После Хохряковой выступают Андрей, Кра-

*сильников, Зойка, Васнецова. Потом долго выступает Пав-
ленко.*

Пельмени

Действующие лица

Иванов – бывший прапорщик, сторож автобазы.

Иванова – пенсионерка.

Человек в очках.

Марк – банкир.

Наташа – фотомоделль.

6 поваров.

Небольшая кухня Ивановых: газовая плита, рядом с ней стол-тумба, уставленный кастрюлями, рядом раковина, над ней сушилка для тарелок, в углу маленький холодильник. Посреди кухни – круглый стол, накрытый клеенкой, на котором Иванова месит тесто; она в домашнем платье с засученными рукавами и в фартуке. Рядом на табуретке сидит Иванов и читает газету. Он в клетчатой байковой рубашке, заправленной в кальсоны, которые, в свою очередь, заправлены в серые шерстяные носки.

Иванова (с силой месит тесто). Во как... во как... и во как...

Иванов (*не отрываясь от газеты*). А?

Иванова. Во как мнется.

Иванов. А что?

Иванова. Да на молоке-то во... как...

Иванов. На молоке?

Иванова. Ага... на молоке-то... воно оно как...

Иванов. А ты на молоке нынче?

Иванова. А как же...

Иванов (*шелестя газетой*). Вот и погода опять тово...

Иванова. Обещают?

Иванов. Ага. Вот... метели и заносы. А к ночи 26 градусов.

Иванова. Ух ты. Надо капусту от двери прибрать. А то померзнет.

Иванов. В бочке-то? Да ты что! Накрыть мешками, и все дела.

Иванова (*качает головой*). Примерзнет. Так прихватит, потом топором колоть придется...

Иванов. Да чего ты дергаешься. Говорю, не примерзнет.

Иванова. Примерзнет... хоть отодвинуть.

Иванов. Правильно. Отодвинем да накроем.

Иванова. Накроем-то накроем, а как ветром проберет...

Иванов. Да что ты заладила! В прошлую зиму не пробрало.

Иванова. То-то не пробрало. А в эту – кто знает.

Иванов. И в эту обойдется.

Иванова. Обойдется, не обойдется, кто знает...

Иванов. Обойдется.

Иванова. Во... во как... приладилась...

Иванов (*просматривая газету*). Вишь... судили.

Иванова. Кого?

Иванов. Да взятки брали.

Иванова. Кто?

Иванов. А вот... начальник облторга В. П. Соколов... и этот... щас... заведующий овощебазой И. И. Арефьев.

Иванова. Судили?

Иванов. Судили... Соколову восемь лет, а этому... Арефьеву пять. С конфискацией имущества.

Иванова. Во... доигрались... во, и не липнет...

Иванов. Доигрались. Жадность фраера сгубила.

Иванова (*смеется*). Да.

Иванов. Зарылись ребята.

Иванова. А как же. Деньги-то вон как...

Иванов. Денежки все любят.

Иванова. А то как же.

Иванов. У нас вон Молоканов тоже с бензином: раз, раз – и налево. А потом – хватить и ку-ку. Рвачи, вот и попадают.

Иванова. А теперь всюду рвачи.

Иванов. Конечно. Чего им.

Иванова. Всюду рвут, где можно... где можно, там и рвут...

Иванов. Так чем шире рот, тем больше хочется.

Иванова. Ууу... рот-то у них вон как... рот-то. Рты у них вон какие.

Иванов. Ты работай, сторожи, а они воруют.

Иванова. Воруют, а после учат, как да что... да ты еще и виноватый.

Иванов. А потому, что дураков-то много. Нет чтоб заявить да пойти куда следует. Пойти и заявить.

Иванова. Кто ж заявит-то? Заявить-то некому... вишь, вишь, что-то текста многовато... во...

Иванов. Порядок-то, он ведь везде нужен. Чтобы было все как следует. А тут везде воруют, никто не следит.

Иванова. Следить-то... ууу... следить. Их следить... не выследишь...

Иванов. Да следить можно, просто следят не за тем. У нас в части особисты вон какие были, все толстомордые. А по-вара воруют, кладовщики воруют, начальство ворует. А виноваты прапора. А следить они умеют, коль заставят.

Иванова. Многовато чего-то... ну-ка...

Берет со стола-тумбы скалку.

Так и останется...

Иванов (*складывает газету, зекает*). Аааах... ох... чего-то...

Иванова. Зубы болят?

Иванов. Да нет... чего-то ломит...

Иванова (*раскатывая тесто*). Ууу... точно останется.

Иванов (*кладет газету на холодильник*). С утра-то ничего. Морозец-то вон по ревматизму...

Трет поясницу.

Иванова. Настоялся вчера за водкой, вот и прихватило.

Иванов. Вчера не холодно было.

Иванова. Да, не холодно. Как же... так не холодно... а потом будет... ля-ля...

Иванов. Да это ж... Разве ж мороз такой? Вон под Архангельском – минус сорок по два месяца. А из бани выскочишь да на снег.

Иванова (*проворно орудуя скалкой*). Во... ненормальные...

Иванов. Петренко, замполит наш, тот каждый раз. И хоть бы насморк... Водки врежет и спать. А тут разве мороз?

Иванова. Мороз-то... он мороз... Мороз всегда мороз... а здоровья не вставишь...

Иванов. Мы вон в пятьдесят пятом в больнице лежали с Ященковым, а санчасть не отапливалась совсем. Да и палата. Отопление не работало.

Иванова (*глядя и расправляя раскатанное тесто*). Ух ты... простыня прямо... куда ж девать-то...

Иванов. Скоро лепить?

Иванова. Лепить-то... погоди лепить...

Иванов. Вот сыплется.

Иванова (*берет со стола-тумбы рюмку, переворачивает и начинает, надавливая, вырезать из теста кружки*). Вот... и так. А лепить сейчас... лепить еще успеется...

Иванов. Я лепить мастак.

Иванова. А как же...

Иванов. Много будет?

Иванова. Теста-то вон сколько... куда уж...

Иванов. А фарш?

Иванова. Фарш тебя дожидается. В холодильнике миска с мясом.

Иванов. Еще не молола?

Иванова. Когда ж мне молоть-то? Я вон делаю.

Иванов. А чего ж молчишь? Я б промолол давно.

Иванова. Так вот и мели.

Иванов. Я-то сижу, думаю, щас лепить будем.

Иванова. Лепить! Тут вон полдела еще...

Иванов. И главное – молчит. Ну ты даешь... голова.

Иванова. Тут руки-то одни.

Иванов. Где мясорубка?

Иванова. Внизу там.

Иванов. Так...

Достает из стола-тумбы мясорубку, прикручивает к столу, вынимает из холодильника миску с нарезанными кусками мяса.

Иванова. Нашел?

Иванов. Тут все?

Иванова. А чего ж?

Иванов. Так. Все сразу?

Иванова. А как же... все сразу...

Режет рюмкой тесто.

Иванов. Куда молоть-то?

Иванова. А... там возьми кастрюлю... внизу... зеленую...

Иванов (*достает кастрюлю, подставляет под мясорубку*). Так.

Иванова. Там чеснок-то уже в мясе, чистила уже.

Иванов. Ясно. Вон промок...

Начинает молоть. Минут пять они работают молча.

Иванова. Вот как.

Ставит рюмку на стол-тумбу.

Иванов. Прими, собью.

Иванова (*отодвигая рюмку подальше*). Ага...

Иванов. Маловато...

Иванова. А что ж... костистое было...

Иванов. Течет.

Иванова. Вот как, на весь стол...

Расправляет на столе кружочки теста.

Иванов. А больше нет?

Мелет, заправляя мясо в мясорубку.

Иванова. У меня вон теста девать некуда...

Иванов. Мясо вроде ничего.

Иванова (*оборачиваясь к нему*). Смолол?

Иванов. Еще немного.

Иванова. Давай смелю.

Иванов. Да чего уж. Я доделаю.

Иванова. Посолить надо...

Иванов. Готово...

Отходит от мясорубки и вытирает руки о фартук Ивановой.

Иванова. Что ж ты, новый ведь... поди вымой.

Иванов. Да ладно, мать, не жлобись. Пойду посру.

Уходит.

Иванова (*усмехаясь*). Иди, иди... черт, фартук мне выпачкал...

Смотрит на фартук, потом, ополоснув белые от муки руки, начинает месить фарш.

Иванов (*входя минут через пять*). Ну и как?

Иванова. Готово. Давай лепить.

Иванов (*садится к столу*). Давай, давай, а то жрать хочется.

Иванова. Давай.

Подвигает другой табурет и садится рядом.

Иванов. Тебе за мной не угнаться.

Иванова (*смеется, лепя пельмени*). Да уж где нам!

Иванов (*лепит*). Я лепить мастак. Мать-покойница как лепить, так меня кричит... Куда класть-то?

Иванова (*суется*). А... вот сюда прямо... вот с краю... клади вот сюда...

Иванов. Ты перцу всыпала?

Иванова. А как же. Всыпала, куда ж ему деться.

Иванов. Без перцу это не пельмени...

Иванова. Сразу всыпала.

Иванов. Без перцу это говно, а не пельмени.

Иванова. Я без перцу не делаю. Я всегда с перцем делаю.

Иванов. Мне вон Соловей с женой подсунули без перцу.
Так это хуже, чем что... без перцу...

Иванова. Чеснок, да перец, да посолить как следует, а как же.

Иванов (*любясь слепленным пельменем*). Во. Лепим лучше всякой бабы.

Иванова (*улыбаясь*). А как же...

Иванов. Я лепить мастак.

Иванова. За тобой прям не угонишься.

Смеется.

Иванов. Во... мальчики мои...

С удовольствием лепит.

Иванова. Теста останется.

Иванов. Во, новобранцы! Кру-гом!

Иванова. Фарша-то меньше...

Иванов. Раз, два... и в дамки...

Иванова. Надо воду ставить.

Иванов. Лысенькие...

Иванова (*встает, наливает в кастрюлю воду, ставит на плиту, зажигает газ*). Коль, ты с юшкой будешь?

Иванов. Оп... годен к нестроевой...

Иванова. Коль. С юшкой?

Иванов. А как же! Как же без юшки? Без юшки, мать, в столовке подают.

Иванова. Там подадут, а как же...

Иванов. Там напоят кислым квасом... говна намешают, только ешь...

Иванова (*соля воду и бросая в нее лавровый лист*). У нас и сметанка свежая, на той стороне брала.

Иванов (*продолжая с увлечением лепить пельмени*). Оп... и оп...

Иванова. А я без юшки люблю...

Садится к столу и продолжает лепить.

Иванов. Лепить надо уметь...

Иванова. Мука посыпалась.

Иванов. Воду поставила?

Иванова. А как же.

Иванов. Давай, давай, мать. А то жрать хочется.

Иванова (*смеется*). Щас закипит.

Иванов. Оп... годен к нестройной...

Иванова. Погоди, тут уж много...

Иванов. Ничего, я вместительный. Съедем все...

Иванова. В морозилку тогда.

Иванов. Все съедем, мать, врагу не достанется!

Иванова. Заработался!

Иванов. Ни шагу назад! Оп...

Иванова. погоди, Коль, закипает...

Иванов. Сколько уже?

Иванова. Хватит, хватит уж.

Иванов. Давай я класть буду.

Иванова. Я, я положу, сиди уж...

Иванов. Давай.

Иванова (*ссыпает пельмени в кипящую воду*). Вот...

Иванов (*достает из холодильника бутылку водки и начинает распечатывать*). Пельмешки – это хорошо...

Иванова (*замечая, качает головой*). Коль, не пей.

Иванов. Ладно, мать, вари, вари...

Иванова. Коль, ну не пей. Плохо же будет.

Иванов. Вари, вари.

Иванова. Нажрешься опять, будешь что зря делать.

Иванов (*бросая в угол крышечку от бутылки*). Ладно, не пизди. Давай стаканы.

Иванова. Я не буду.

Иванов. Будешь, будешь. Давай.

Иванова. Не буду.

Иванов. Давай! Я что, алкаш, чтоб один пить?

Иванова. Не буду я.

Иванов. Давай стаканы!

Иванова. Господи...

Подает два стакана.

Иванов (*наливает себе полный, а жене четверть стакана*). Другое дело.

Иванова. Может, не надо, Коль?

Иванов. Отставить разговорчики. Дай капусты.

Иванова. Сейчас...

Берет тарелку и выходит из кухни.

Иванов (*залпом выпивает свой стакан*). Ой бя... не могу...

Нюхает рукав и вновь наполняет стакан.

Иванова (*входя с тарелкой квашеной капусты*). На-ка, вот.

Иванов. Давай, мать...

Руками берет капусту, сует в рот.

Иванова (*всполошившись*). Иии... уж разварились...

Подходит к плите.

Иванов (*жуя капусту*). Что, готовы?

Иванова. Уж повсплывали...

Берет половник, глубокую тарелку и накладывает в нее пельменей.

Иванов. Мне юшки побольше.

Иванова. А как же... На вот.

Передает ему тарелку.

Иванов. Ага...

Ставит тарелку перед собой.

Иванова (*накладывая себе пельменей*). Сметану достань.

Иванов (*достает из холодильника банку со сметаной*).

Ну-ка...

Иванова (*выключает газ, ставит свою тарелку на стол*). Погодь, дай тесто приберу.

Убирает тесто в холодильник, стирает тряпкой со стола остатки муки.

Иванов (*поднимая стакан*). Ну, мать, служим Советскому Союзу!

Иванова (*садится, поднимает свой стакан*). Ой, не пил бы ты...

Иванов. Разговорчики!

Выпивает залпом, закусывает капустой.

Иванова (*отпивая немного из своего стакана*). Фу...

Иванов. Хорошо пошло.

Кладет в тарелку с пельменями сметану, размешивает, пробует.

Нормалек.

Иванова. Ничего?

Иванов. Отлично. Выражаю вам благодарность.

Иванова. Соли хватит?

Иванов (*наполняя свой стакан*). Нормалек.

Иванова (*дуя на пельмени, пробует*). Вроде хороши...

Иванов. Молодец, мать. Давай по второй.

Иванова. Коль, хватит, не пей.

Иванов. Отставить. Давай, давай, а то ты не пьешь совсем. Ну-ка.

Иванова (*отмахивается*). Не буду я.

Иванов. Пей! Ну-ка!

Иванова (*нехотя берет стакан*). Господи, вот глот...

Иванов. Давай. За мирное небо.

Выпивает.

Ой бя...

Иванова (*пригубив*). Горесть наша...

Иванов. Ох, в кость пошла...

С аппетитом ест пельмени. Некоторое время они едят молча.

Иванов (*выливая в свой стакан оставшуюся водку*). Ну-ка, давай, мать.

Иванова. Ты что ж, уже бутылку выпил?

Иванов. А что ж! Мы пскопские, мы прорвемся! Давай.

Иванова. Коль, хватит. Ешь лучше.

Иванов. Давай, давай!

Иванова. Плохо будет. Будешь опять...

Иванов. Ну-ка! Ну-ка! Артиллерия – бог войны! Давай!

Иванова. Ой, право...

Иванов. Будем!

Чокается с ней и выпивает.

Иванова. Ой!

Ставит свой стакан на стол.

Иванов. Хороши пельмешки.

Едят молча.

Иванова. Добавки хочешь?

Иванов (*поднимает голову и пристально смотрит на жену*). А?

Иванова (*испуганно смотрит на него*). Что ты?

Иванов. Ты делала?

Иванова. Коля, что ты?

Иванов. Чего ты тут...

Иванова. Господи, опять... Коля...

Иванов (*все так же пристально смотрит на нее*). Чего ты...

Иванова (*всхлипывая*). Коля...

Иванов. Чего ты размудохалась? Чего сидишь?

Иванова. Коля, Коленька... не надо...

Начинает плакать.

Иванов. Хули ты... чего ты тут...

Иванова (*боязливо поднимается и идет к двери*). Господи...

Иванов (*резко встает, отчего его тарелка переворачивается на стол. Пельмени оказываются на столе, бульон течет со стола на пол*). Стоять!

Иванова замирает, подносит руки ко рту и беззвучно плачет.

Иванов (*подходя к ней вплотную, долго смотрит ей в глаза, потом показывает на окно*). Там делала?

Иванова. Что?

Иванов. Ты чего?

Иванова (*плачет*). Не надо, Коля.

Иванов (*показывает на табуретку*). Сюда иди.

Иванова. Не надо... Коля, я пойду.

Иванов. Сюда иди. Сюда иди.

Иванова (*садится на табуретку*). Господи...

Иванов (*облокачивается руками на стол и, стоя, смотрит на Иванову*). Ты что делала?

Иванова. Я ничего не делала, Коля.

Иванов (*смотрит на нее*). Ты зачем?

Иванова (*плачет*). Коля, зачем ты пьешь?

Иванов (*вздыхает*). Мне что... опять?

Иванова. Коля, Коля...

Иванов. Сидеть, сидеть. Сидеть, сидеть.

Иванова (*плачет, закрываясь руками*). Коля... Коля...

Иванов (*зачерпывает со стола горсть пельменей и, медленно размахнувшись, бросает в голову Ивановой*). На!

Иванова (*закрывается руками, плачет*). Не надо, Коля...

Иванов (*опершись о стол, смотрит на Иванову*). Ну...

Иванова, плача, вытирает фартуком лицо.

Иванов. Поняла... понятно.

Снова зачерпывает лежащие на столе пельмени и бросает в жену.

Иванова (загораживается). Коленька, прости...

Иванов. Сука ебаная...

Тянется к ней рукой через стол.

Иди...

Иванова (отводя его руку). Коленька, не надо, Коленька, не надо!

Иванов. Иди... сюда иди...

Иванова (уклоняясь от его руки). Коленька, не надо!

Иванов. Сюда иди... сюда иди... падло...

Иванова. Коля... Коленька, прости меня... прости меня...

Иванов (хватая ее за руку, тянет к себе). Ну... падло...

Иванова (борется с ним под столом). Коля... Коленька, прости меня, прости меня, Коленька, не надо!

Иванов (тянет ее к себе). Сюда иди...

Иванова *(плачет)*. Ну не надо, Коленька!

Иванов *(размахивается, бьет ее по голове, но не точно)*.

Сука...

Иванова *(причитает высоким срывающимся голосом)*.

Не надо! Не надо! Не надо, Коленька, я все расскажу!

Иванов *(бьет ее, вцепившись в левую руку)*. Стерва...

Иванова. Коленька, миленький, не надо! Я расскажу, я скажу, как надо!

Иванов *(продолжая наносить удары)*. Падло... подсидела меня...

Иванова. Коля! Коленька!

Уворачивается от ударов.

Иванов. Гада... гада... ну...

Бьет.

Иванова. Коля! Коля! Коля!

Иванов. Падло...

Иванова. Коля! Я скажу! Я скажу, как надо! Коля! Как надо!

Иванов *(тянет ее к себе)*. Гада...

Иванова. Коленька! Я все скажу! Коля! Я как надо! Не надо!

Иванов. Ты делала все... делала, падло...

Иванова. Коля, не надо! Я расскажу! Не надо только!

Иванов. Гада... гада... ты... вот что...

Толкает ее, Иванова отшатывается назад, а сам Иванов падает грудью на стол, сбивая тарелку жены на пол.

Иванова (*кричит*). Коля! Коля! Коля!

Иванов (*тяжело ворочаясь на столе*). Делала мне...
ПЛОХО...

Иванова. Коленька, я все скажу, все расскажу!

Иванов (*поднимаясь со стола, стирая с лица бульон и сметану*). Я тебе что сказал... Я что сказал...

Иванова. Коля, я скажу, я все скажу! Только не надо!

Иванов (*смотрит на нее, покачиваясь и опершись на стол*). Что...

Иванова. Прости меня, Коленька!

Иванов. Сюда... сюда...

Иванова. Хочешь, я сейчас? Хочешь, я скажу?

Иванов (*манит ее пальцем*). Сюда иди... по форме...

Иванова (*умоляюще подносит руки к груди*). Я здесь, Коля. Можно я здесь?

Иванов. Сюда иди... рвань...

Иванова. Коленька, я отсюда. Можно? Можно?

Иванов. По форме... все по форме...

Иванова. Можно? Можно?

Иванов. По форме...

Иванова. Можно?

Иванов (*кивает головой*). Вольно... вольно... вольно...

Иванова. Ну, Коля!

Иванов. Слушаю... быстро... автобиографию... быстро...

Иванова (*облегченно вздохнув, начинает ровно, без запинки*). Я, Пробкова Спичка, родилась в ведре, потом росла в старом месте, опосля окончила в сорок шестом году банку из-под говна. А потом работала возле плитуса в грязном углу, а в пятьдесят седьмом году переехала в Пашкину кружку, где устроилась мандавшей.

Иванов (*кивая головой*). Ну...

Иванова (*продолжает*). А там я встретила хорошего человека Иванова Николая Ивановича, и он меня пригрел на груди, и я поправилась. И меня люди стали уважать, хоть я и мандавша. А Николай Иванович обо мне заботится и...

Иванов (*стучит кулаком по столу, так что брызги бульона и сметаны летят во все стороны*). Стоять! Стоять! Стоять!

Иванова. Коленька... Коля...

Иванов (*икая*). Где твой дед?

Иванова (*с готовностью*). Мой дед в ящике.

Иванов. А... это... где Люба?

Иванова. Люба работает на аптеку.

Иванов. Где Николай и Жорка?

Иванова. Они сидят на насесте.

Иванов. Кто такой Кораблев?

Иванова. Кораблев – это говно.

Иванов (*кивает головой, молчит, опершись о стол*).

Так... так... А это... деревня? Почему там деревня?

Иванова (*быстро*). Потому что их бомбили.

Иванов (*кивая*). Так... это мы знаем. А вот... какая у нас погода?

Иванова. Погода с шишками.

Иванов (*удовлетворенно кивает*). Так... это мы знаем... теперь... теперь...

Икает.

...теперь скажите нам, товарищ рядовая, где ваша пилотка?

Иванова. Моя пилотка... мою пилотку обменяли на водку.

Иванов. Ясно... А где стол?

Иванова. Стол здесь, Коленька.

Иванов. Как ваша фамилия?

Иванова. Пробкова.

Иванов. Так... так... а вы имеете... это...

Иванова. Что, Коля?

Иванов. Я...

Тяжело вздыхает и садится на табурет.

А...

Иванова (*осторожно*). Что, Коленька?

Иванов. Это...

Трет ладонями лицо.

...ты... ты кто?

Иванова. Я Пробкина.

Иванов. Так... значит... а ты помнишь...

Иванова. Что, Коленька?

Иванов. Помнишь... это... когда резина...

Иванова. Резина?

Иванов. Резина была...

Трет лицо.

Иванова (*кивает головой*). Была, была.

Иванов (*тоже кивает*). Да... да. А ты Пробкина?

Иванова. Пробкина, Пробкина.

Иванов. Я это... ссать хочу.

Иванова. Я сейчас, Коля...

Выходит и вскоре возвращается с эмалированным горшком.

Вот...

Иванов. Ага... вольно...

Мочится.

Иванова. Вот, Коля...

Показывает ему горшок.

Иванов (*кивает*). Да... надо...

Иванова. Здесь, Коля?

Иванов (*сосредоточенно шевеля губами*). Здесь... да.

Иванова (*ставит горшок на стол*). Я готова, Коленька.

Иванов. Ты знаешь... лучшее. Вовсе, вовсе...

Иванова (*кивает*). Да, Коля.

Иванов (*передергивает плечами*). Были ребята! Были ребята!

Иванова. Да, Коля.

Иванов. Класть поровну... ты слушай.

Иванова. Да, Коленька.

Иванов (*вскрикивает*). Били!

Иванова. Коленька.

Иванов. Не понял первый, а надо полное. Слышишь?
Полное!

Иванова. Понятно, Коля, все понятно.

Иванов (кричит). Лучшее дело!!! Лучшее!!! Лучшее!!!

Иванова. Коленька! Коленька!

Иванов. И руки хорошо... чтобы было правильно... и на-до... отбой, отбой, отбой.

Иванова. Отбой.

Иванова передает горшок мужу. Иванов, прижав горшок к груди, долго смотрит в него. В это время Иванова опускается перед мужем на колени. Еще некоторое время посмотрев в горшок, Иванов берет его за ручку и выливает на голову жены.

Иванов. Отбой.

Ставит пустой горшок на стол, встает и без всяких признаков опьянения спокойно вытирает руки и лицо висящим возле раковины полотенцем. Иванова встает с колен и молча выходит в дверь. Сразу за ней выходит Иванов. Они оказываются в небольшом помещении, чем-то похожем на больничную подсобку: кафельный пол, кафельные белые стены, на потолке светильник дневного света; в углу ведра и швабры, рядом старое зубоврачебное кресло, на котором лежит синий газовый баллон; у стен старые железные койки, шкаф, стулья, большая красная трибуна с позолоченным гербом Советского Союза, телевизор на ножках и различные мелкие предметы. В комнате супругов Ивановых встречает

человек средних лет в свитере, джинсах и больших роговых очках. Встав со стула и бросив окурок в большую пепельницу, он подходит к Ивановой.

Человек в очках. Все хорошо, Танюш, все прекрасно. Только слегка дожать, и все здорово.

Иванова (*устало усмехается, вытирая на ходу лицо ладонями*). Фуу... ну, я мыться пошла...

Человек в очках. Давай, давай...

Иванова скрывается за белой дверью с цифрой 8.

Иванов (*садится на стул, протягивает человеку в очках ногу*). Там они вырезку, по-моему, прошивали... геноссен...

Человек в очках (*торопливо снимает с ноги Иванова шерстяной носок*). Все будет, Левочка, все будет. Я говорил тогда Кораблевой, она не послушалась, стала самовольничать, Витька поддержал... Все, все оттянется, только мех и дети...

Сняв носок, вынимает из него несколько резинок, сует в карман, а носок держит в руке.

Иванов (*морщась, протягивает другую ногу*). Ой. Так круглое надломили, жирное там...

Человек в очках (*с готовностью стаскивает носок с*

ноги Иванова, роется в нем). Так... так... Лев, а что... где?

Иванов (снимая кальсоны). Я там сам доделал. Все в норме.

Человек в очках. Отлично.

Подходит к шкафу, открывает его, достает черный дипломат, открывает, кладет в него носки.

Все будет okay, Лев, все. Только надо как можно побольше оттянуть по механике, по детскому. Все будет хорошо. Я договорился, так что вам нечего беспокоиться. Главное – Витюша по густоте нормально, так что беспокоиться нечего.

Подходит с чемоданчиком к Иванову, который, сняв кальсоны, снимает байковую рубаху.

Человек в очках (берет кальсоны, убирает в саквояж). Я же тогда, помнишь, пришел, поднялся, все мы устроили, и густота была в норме, хоть Кораблиха, как всегда, со своими серыми, а я – раз, раз, все устроил, Витек поддержал. А чего нам эти серые, что она в них нашла... уперлась, как корова...

Иванов (протягивает ему рубаху). На. Порядковые там тоже были...

Человек в очках (запихивает рубаху в дипломат, понимающе кивает головой). Были, а как же! Они тогда про это говорили целый день. Будто это тяп-ляп – и готово... умни-

ки... Так.

Закрывает дипломат, ставит его рядом со стулом Иванова, потом достает из шкафа синий костюм, белую рубашку и сероватый галстук.

Все устроим, Лев, ты только скажи мне прямо – есть коробки?

Иванов (*встает, берет из рук человека в очках рубашку, надевает, потом, молча и вздыхая, повязывает галстук, задумчиво проговаривает*). Коробки? Да есть...

Человек в очках (*радостно вздрагивает, поправляя очки*). Ну и слава богу!

Смеется.

А то я как дурак с утра – по трубам прошелся, потом Хартману звонил! Ой, я же ботинки забыл!

Кладет пиджак и брюки на трибуну, возвращается к шкафу, вынимает черные ботинки, подает Иванову.

Носки там внутри.

Иванов (*повязав галстук, натягивает носки, потом со вздохом принимается за брюки*). Да... Вера тоже хороша... пришла, не сказала толком...

Человек в очках (*успокоительно машет рукой*). Да не волнуйся ты! Это их проблема, в конце концов. Они нам ведь маленькие должны, так что — плюнь...

Иванов (*надевает ботинки*). Плюнуть можно. Легче всего — плюнуть...

Человек в очках. Ну и плюнь! Подумаешь — взяли семерку!

Дверь № 8 открывается, входит Иванова. Она в форме полковника, в руках у нее — красный фен.

Иванова (*с усмешкой*). Ну вот, мужчины всегда опаздывают.

Включает штепсель фена в розетку, находящуюся рядом с трибуной, и, облокотившись на трибуну, просушивает свою совсем короткую седую стрижку.

Человек в очках. Танюш, мы не опаздываем.

Помогает Иванову надеть пиджак.

Все готово.

Иванов. Тань, мы вот про Веру тут... я все беспокоюсь...

Иванова. Что ты беспокоишься?

Иванов. Ну, знаешь, разговоры пойдут...

Человек в очках. Ну какие там разговоры! Что ты как ребенок! Я же говорю – это их проблема! Почему мы должны отвечать за обрезку?!

Иванова. Конечно. Обрезка, седьмые – это же не занятие...

Иванов. Да я понимаю. Но все-таки... знаешь...

Иванова (*смеется*). Ты сегодня чего-то какой-то решительный!

Иванов (*усмехаясь, поправляет галстук*). Да уж...

Человек в очках (*тем временем, порывшись в шкаф, достает зеленую папку с какими-то бумагами*). Так... это есть...

Открывает папку, быстро просматривает бумаги.

Иванова. Вить, сделай мне сзади...

Иванов. Ага.

Подходит к ней, берет фен и сушит ей волосы на затылке. Человек в очках тем временем что-то пишет в бумагах.

Иванова. Не торчит сбоку?

Иванов. Нет. Тут торчать-то нечему. Стрижка как у рекрута.

В молчании проходит несколько минут, потом человек в

очках подносит папку Ивановым.

Иванова (*выключая фен*). Хватит, все сухо...

Человек в очках. Танюш... вот здесь...

Иванова (*листает страницы бумаг, лежащих в папке*).

Так... это, значит, все по Ваське и по седьмым...

Человек в очках. Не только, Танюш. Тут вот там... посмотри... вот, видишь.

Показывает ей в папке.

Иванова. Ну... это не наши дела. Это посох.

Иванов (*подходит, смотрит в папку*). Посох? А мы при чем?

Человек в очках (*волнуясь*). Ребят, ну мы же тогда, в январе, обсуждали... посох идет по третьему, Танюша у нас доверенное лицо, значит...

Иванова (*перебивает его*). Значит, можно мне совать чужое?

Человек в очках. Как чужое? Танюша! Это же обсуждалось! Я тогда спросил Реброва – как быть с совместителями? Он сказал – Румянцева берет слово обратно. Ты не помнишь разве?

Иванова. Ничего не помню!

Достает из кармана ручку и подписывает документы по

очереди.

По Ваське я подпишу... по седьмым подпишу... семеновскому подпишу... обрезку подпишу... а с посохом, дорогой, разбирайся сам.

Человек в очках (*в сильном волнении*). Как – сам?! Как сам?! Танюш! Это же...

Иванова (*раздраженно*). Что – Танюш! Как подписывать, так сразу – Танюш! А как фонды – так товарищ Николаева!

Иванов. Наташа права, Виктор Петрович. В прошлом месяце мы к тебе два раза ходили. И что? Ничего. А как вам приспичит – так вынь да положь.

Иванова. Мы вон с Борисом Иванычем тогда три часа просидели, ждали, когда этот ваш Морозов соизволит появиться. Сидим как дураки! А сейчас я почему-то должна брать на себя ответственность. Морозов-то не спешил с Магнитогорском! Тянули, тянули до осени, а в октябре уже и надобность отпала...

Иванов. Точно. Тянут, тянут, а нам потом на коллегии париться.

Человек в очках. Ребята! Но при чем здесь Морозов?! Я же не с ним составлял, а с Коломийцем! Я же...

Иванова (*резко*). Да! С Коломийцем! А он потом по обрезке нам так подгадил, Люба вон всю неделю не спала, с черными глазами ходила, все пересчитывала! Коломиец! Он Боброву подсунул решение, а сам – в санаторий и тютю! Пи-

ши, губерния! Коломиец мне еще при Крылове пакостил, а Андрееву улыбался как ни в чем не бывало! Не подпишу! Из принципа не подпишу!

Передает папку человеку в очках и отходит к стене.

Человек в очках. Танюша! Танюша! Ребята! Вы что – серьезно?!

Иванова. Абсолютно!

Иванов (*усмехаясь*). Серьезнее некуда...

Человек в очках. Ребята! Ну что мы с вами – бюрократы?! Из-за паршивой подписи торговаться будем?!

Иванова. Ничего себе – паршивая подпись! Да из-за посяхот Крыленко сняли – и не пикнул никто! Я подпишусь, а через полгода, когда седьмой, пустят меня с Борисом Ивановичем в мясорубку?! И прощай тогда и Васькины разработки, и серийный, и отчисления! Здорово! А ты, голубчик, руками разведешь и скажешь Серегину: “Алексей Иванович, а я тут при чем! Это Николаева подписывала: с нее и спрос!”

Иванов. Точно...

Человек в очках. Да что ты говоришь, Танечка, как ты можешь?..

Иванова. Могу! Я двадцать три года с Коломийцем работаю и знаю, что говорю. Подписывать чужую ведомость – преступление.

Человек в очках. Но это же не чужая ведомость! Коло-

миец – свой человек, он поймет! У меня же безвыходная ситуация!

Иванова. У меня тоже. Сережа меня поймет и сердиться не будет. А ты не кричи. Безвыходных ситуаций не бывает.

Человек в очках (*в отчаянии бросает папку на пол*). Поймите вы! Если сегодня не подписать, вся наша затея полетит к черту! Поймите!

Иванова. Не наша, а твоя.

Человек в очках. Зачем же тогда ты обещала?! Обещать – это честно, по-твоему?! Честно?!

Иванова. Я обещала, когда ты просил за большие! Вот когда я обещала. Больших теперь не видно! Ты меняешься – тебе можно, а мы должны ваши дела своей грудью закрывать!

Иванов. Во-во... как Матросов на амбразуру...

Человек в очках. Да я же не сам зарубил большие! Не сам! Это Лохов с Бобровым! Не я же!

Иванова. Да какая разница мне, кто зарубил?! Ты понимаешь, что я как коммунистка подписывать чужое распоряжение не имею права?!

Человек в очках. Но я же тоже коммунист. Таня! Я тоже отвечаю за седьмой и за семеновскую! И за посохи не только вы себя подставите, но и я. Я!

Иванова (*нетерпеливо машет рукой*). Слушай, мне надоело! Я сказала: не подпишу, – значит, не подпишу. Точка.

Человек в очках. Ну и что мне делать?!

Иванова. Подожди Алексеева. Он подпишет.

Человек в очках. Но Алексеев будет только через неделю!

Иванов. Ну что же мы можем, мы же не можем его потопить.

Иванова. Я лишь могу завизировать по третьему у Бориса Иваныча. Вот все, что я могу в этой ситуации...

Человек в очках (*в отчаянии*). Но ведь это же свинство!

Иванова. Это все, что я могу. Все.

Иванов. Она же не Алексеев, в конце концов...

Человек в очках. Но это же свинство! Чистое свинство!

Иванова (*резко*). Вот что! Хватит орать! Я и так с этими ведомостями из кожи лезу ради тебя и твоей лавочки! Я сказала: не подпишу, – значит, не подпишу! Все! Вопрос закрыт!

Человек в очках. Постой... Таня! Нельзя же так! Ну подумай, как так можно! Мы же друзья, в конце концов!

Иванова. Друзья! Друзей так за горло не берут!

Иванов. Друзей, брат, не подставляют...

Человек в очках. Да кто вас подставлять собирается?! Я же за все отвечаю! Я! Я!

Иванова. Хватит! Надоело! Я сказала – вопрос закрыт! Все!

Человек в очках. Как все? Как все?!

Иванова. Вот так! Или жди Алексеева, или иди к Коломийцу с докладной. А меня оставь в покое. Все!

Иванов. Ну действительно, старик, ну что ты навалился

на Танюшу, как медведь? Подпиши да подпиши! Во-первых, она все-таки женщина. Что она, должна на эту банду с голыми руками идти? Такое говно, как Коломиец, просто так не объедешь. Она подпишет, а потом – на плаху, да?

Человек в очках. Но мы же все ее поддержим! Все! И я, и Серегин, и Александров! И Алексеев тоже поддержит, я с ним поговорю.

Иванова. Вопрос закрыт! Все! Хватит! Я тебя не слышу!

Человек в очках. Танюш, ну погоди...

Опускается на колени.

Ну хочешь, я тебе чего-нибудь сделаю... поцелую тебя... куда-нибудь?

Иванова. Ты что, совсем спятил?

Иванов (*смеется*). Ты, брат, уж совсем того...

Человек в очках. Ну подождите, погодите...

Голос его дрожит.

Иванова. Чего ждатель-то? Прошлогодного снега?

Иванов. Нам, брат, ждатель нечего. У нас дел по горло. Вздохнуть некогда.

Человек в очках. Я вам денег дам. Много денег. Я дачу продам.

Иванова. Совсем со страху спятил!

Хочет уйти.

Человек в очках (*хватает ее за ноги*). Умоляю, не уходи! Умоляю! Танечка! Только не бросай меня!

Иванов. Ну что ты... не знаю прямо...

Человек в очках. Не уходите, ребята! Прошу вас, умоляю! Не бросайте меня!

Иванова. Раньше надо было думать.

Человек в очках. Танюша... ну... хочешь, я тебе свою жену отдам? Или сестру? У меня сестра Надя, ей 42 года!

Иванов (*смеется*). Сестра! Нашел, что предлагать!

Человек в очках. Она хорошая, она очень хороший, порядочный человек, ребята, с ней можно делать все, что захотите! Она на все согласна! Ей можно лить мед за ворот... или палкой бить по спине! Можете ей в жопу чего-нибудь засунуть! Очки, например!

Ивановы переглядываются.

Иванова. Ты что? Действительно с ума сошел?

Иванов. Может, тебе доктора позвать?

Человек в очках. Да нет... не надо.

Плачет.

Танечка... ну... подпиши... ради Христа... подпиши...

Иванова. Вот-вот, Христа еще вспомни. Как меня представлять – не помнил Христа, а теперь вспомнил!

Человек в очках. Танечка! Ну прости меня за все! Я исправлю все! Подпиши, я все исправлю! Коломийца я возьму на себя, я его убью, гада ебаного, только подпиши!

Иванова. Все, до свидания.

Человек в очках. Нет! Нет, нет! Не бросайте меня! Умоляю! Умоляю!

Ивановы уходят.

В помещении появляются шесть поваров в поварских колпаках. Они хватают человека в очках, раздевают его, связывают, затыкают ему рот толстой морковью. Затем замешивают тесто, раскатывают его огромной скалкой, насвистывая веселую мелодию. Голый человек в очках лежит на полу и стонет. Повара подсоединяют газовый баллон к громадной газовой плите, ставят на нее чан с водой, кидают в воду соль и лавровый лист. Затем обмывают человека в очках из шланга, солят его, перчат и закатывают в тесто. Получается громадный пельмень. Когда вода закипает, повара опускают пельмень в чан. Пельмень варится. Затем повара вынимают его, кладут на серебряное блюдо, укрепленное на изящной тележке, снимают свои фартуки и колпаки, надевают белые перчатки и везут тележку по длинному коридору, насвистывая все ту же мелодию. Коридор

кончается, упираясь в красивую дверь в стиле ампира, повара открывают ее и ввозят тележку в небольшой, но богато отделанный зал. Посередине стоит стол, роскошно сервированный на двоих. Марк в белом фраке и Наташа в вечернем платье.

Шеф-повар. Марк Сергеевич, горячее.

Марк. Подавайте.

Повара режут пельмень и подают к столу.

Наташа. Как красиво! Что это, Марк?

Марк. Русский пельмень.

Наташа. А с чем?

Марк. С нашим общим знакомым.

Наташа (*непонимающе*). С каким еще знакомым?

Марк (*поварам*). Вы свободны.

Шеф-повар. Марк Сергеевич, когда прикажете подавать десерт?

Марк. Я позвоню.

Повара выходят.

Марк (*наливает Наташе и себе водки*). Под пельмени лучше всего пить что?

Наташа. Водку, конечно... но погоди, я не поняла насчет общего знакомого.

Марк. Попробуй, тогда поймешь. Давай выпьем.

Наташа. Марк, ну скажи сначала.

Марк. Угадай.

Поднимает рюмку.

За твои прелестные губки, которыми ты не говоришь ни по-русски, ни по-английски. Чтоб они цвели, как майская роза, чтоб они были всегда свежими, как устрицы из Лозанны, и... и... чистыми, как помыслы младенца.

Наташа. Хулиган.

Чокаются, пьют.

Наташа (*вздрагивает*). Ой! Знаешь, каждый раз после водки я... это, просто умираю!

Марк. Почему?

Наташа. Даже не знаю почему! Адский напиток!

Марк. Тебе не нравится водка “Абсолют”?

Наташа. Ты же знаешь – водка не мой напиток.

Марк. Дорогая, но шампанское к пельменям – все равно что ликер к устрицам.

Наташа. С тобой невозможно спорить.

Марк. Ты не спорь, солнышко, а ешь.

Наташа (*пробует*). Ммм... Что-то необычное... с чем этот пельмень?

Марк. Я тебе говорю – попробуй получше и сразу угадаешь.

Наташа (*ест*). Там внутри не фарш, а куски какого-то зверя. Правильно?

Марк. Молодец! Остается только угадать, какого зверя. Давай по второй.

Наливает водки.

Наташа. Теленок?

Марк. Ну, солнышко, я не настолько банален, чтобы кормить мою любовницу телятиной.

Поднимает рюмку.

Твое здоровье, дорогая.

Чокаются, пьют.

Наташа (*после выпитой рюмки машет ладонью перед ртом*). Ооооо! Какая все-таки это гадость – водка! Какой мудака ее изобрел?

Марк. Не могу ответить точно. Но уверен, что он был достойным человеком.

Наташа. Я б его повесила... или нет, закатала бы в бочку с водкой и бросила в море!

Марк. Какая ты у меня кровожадная.

Наташа. Ну правда ведь каждому дураку понятно, что лучше и красивей шампанского в мире нет ничего!

Марк. Ладно, Бог с тобой, пей свое шампанское.

Наливает ей шампанского. Чокаются, пьют, едят.

Наташа. Да, сейчас я чувствую, что это не теленок.

Марк. А кто?

Наташа. Косуля?

Марк. Нет.

Наташа. Кабан?

Марк. Нет.

Наташа. Олень? Лось?

Марк. Не олень и не лось.

Наташа. Марк, ну кончай придуриваться, скажи: кто это?

Марк. Я могу лишь тебе подсказать – это наш общий знакомый.

Наташа. Собака?

Марк. Нет.

Наташа. О боже! Это мой жеребец?! Гурам?! Я тебя убью!

Марк. Успокойся, твой жеребец спокойно жует свой овес на конюшне.

Наташа. О Боже мой...

Вдыхает.

Ты хочешь меня угробить сегодня. Не буду я ничего отгадывать! Сам скажешь. Дай закурить.

Марк. Кури на здоровье.

Дает ей закурить.

Наташа (*встает, идет по залу*). А здесь уютно. И часто ты водишь сюда своих любовниц?

Марк. У меня нет любовниц. У меня есть жена и есть ты.

Наташа. Все новые русские так говорят!

Марк (*встает, подходит к ней, берет ее за запястья*). Я – не все.

Наташа (*с улыбкой*). Правда?

Марк. Я не все. Запомни это, Наташа. Я единственный.

Наташа. Мне больно.

Марк. Я очень прошу тебя – запомни.

Наташа. Ну больно же... отпусти!

Марк отпускает ее.

Наташа. Иногда мне кажется, что ты сумасшедший.

Марк. Давай еще выпьем. С тобой всегда как-то удивительно хорошо пьется.

Наташа. А еще что со мной хорошо делается?

Марк (*наливает ей шампанского, себе водки*). Ну, об остальном я вообще молчу.

Чокаются.

Марк (*после долгой паузы*). Я люблю тебя, Наташа.

Они целуются.

Наташа. Ты действительно очень странный.

Марк. Почему ты не носишь мое платье?

Наташа. Как не ношу? А позавчера?

Марк. Надевай его каждый раз. Каждый раз.

Наташа. Ну... милый... если я буду его надевать каждый раз, я быстро надоем тебе.

Марк. Ты никогда не надоешь мне.

Наташа. Знаешь... это глупо, но с тобой себя чувствую как девочка.

Марк. Это хорошо.

Наташа. Не знаю, хорошо это или плохо. Но у меня раньше такого не было. Ни с кем.

Марк. У меня тоже не было ни с кем, как с тобой.

Наташа. За что выпьем?

Марк. Чтоб всегда быть вместе.

Наташа. Давай.

Пьют.

Наташа (*возвращается к столу, ест стоя*). Марк, ну не будь врединой, скажи, с чем этот пельмень?

Марк. С твоим отцом.

Наташа. Правда?

Марк. Правда.

Наташа. Не верю. Перекрестись.

Марк крестится. Наташа смотрит на него, бросает тарелку на пол и с визгом кидается Марку на шею.

Наташа (*восторженно, смеясь*). Марк! Марк! Ой, Марк!

Марк. Вот тебе и Марк!

Наташа. Ой, я не верю! Все-таки ты врешь! Скажи, что врешь!

Марк. Ну что мне – второй раз креститься?

Наташа. Врешь, врешь, врешь!

Марк освобождается от ее объятий, подходит к пельмению, берет большой нож, примеривается и отрезает угол от пельменя; снимает тесто, под которым оказывается голова человека. Марк поднимает голову серебряной лопаткой и ставит на пельмень. Наташа подходит и смотрит на голову.

Марк. Ах да. Он же очки носил.

Вынимает из кармана стильные очки в золотой оправе и надевает на переносицу мертвеца.

Вот. Золотых у твоего отца не было, но это непринципиально.

Наташа. Теперь верю. Это папаша. Марк! Блядь! Как ты любишь сюрпризы!

Марк. Моя слабость.

Наташа. погоди... ой... я же съела уже два куска!

Марк. Что, тебе плохо?

Наташа. Не пойму...

Марк. Тошнит?

Наташа. Вроде... нет.

Марк. Ну и слава Богу. Давай еще закусим.

Наташа. Подожди...

Икает.

Ой, блядь!

Смеется.

Марк, я с ума сойду с тобой!

Марк. Не сойдешь. Ты сильная.

Наташа. Тебя надо изолировать от общества!

Марк. Только вместе с тобой, солнышко.

Целует ее.

Наташа. Ой, это полный пиздец!

Смотрит на голову.

Папаша!

Смеется.

Папаша, блядь! Третьего дня со мной по телефону говорил: “Наташка, привези мне картошки. И молочка”.

Марк (*целует ей руки*). А ты что, рыбка?

Наташа. А я Любке перезвонила, говорю: Любаня, ты младшая сестра, у тебя ноги постройнее, грудь потверже, так что дуй на рынок папе за картошкой.

Марк. А она?

Наташа. Отвезла. Налей мне шампанского.

Марк наливает шампанского.

Марк. Силь ву пле, мадам!

Наташа (*смеется*). Наташка, привези картошки! Не мо-

гу! Привези молочка!

Расплескивая шампанское, садится на пол.

Марк, я обоссусь от смеха! Картошки! Ха-ха-ха! Я умираю! Ха-ха-ха! Молочка! Ха-ха-ха!

Ложится на пол.

Марк (*садится рядом с ней*). Тебе смешинка в рот попала.

Наташа. Марк! Ну это же пиздец! Марк!

Марк. Смотри, воздухом подавишься.

Наташа. Марк! Марк! Ха-ха-ха!

Марк. Рыбка, ты простудишься.

Наташа. Ха-ха-ха!

Марк. Наташенька, побереги себя.

Наташа. Ой, дай мне руку. Ха-ха-ха!

Марк помогает Наташе встать.

Наташа (*берет со стола салфетку, прикладывает к глазам*). У меня уже тушь потекла. Досмеялась... Ха-ха-ха!

Марк. Ты так классно смеешься.

Наташа. А плачу?

Марк. Тоже классно.

Наташа (*успокоившись, смотрит на голову отца*). Да. Сказали бы мне, школьнице, что я съем своего папу.

Марк (*трогает ее ноги*). Жаль, что я не знал тебя школьницей. Очень жаль.

Наташа. Я бы тебе точно не понравилась. Я была такой серой мышкой. Вообще все мое детство какого-то серого цвета. Как северное небо зимой.

Марк. Ты жила на севере?

Наташа. Да. В военном городке. С папашей прапорщиком.

Марк. А мать?

Наташа. Умерла, когда мне было три года. От почечной недостаточности. Так что меня воспитывали папа и Родина.

Встает.

Серое, серое. Все серое. Папаша перегородил комнату платяным шкафом, и я спала за этим шкафом. А он водил к себе баб. Жен летчиков их полка. Летчики уходили в ночные полеты, а жены еблись с моим папашей. Я этого не понимала сначала.

Марк. Что?

Наташа. Ну, мой папаша был довольно невзрачным мужиком. А бабы его любили. Симпатичные бабы. Жены классных летчиков, которые летали как боги. А мой папа заведовал в полку постельным бельем. И менял этих жен летчиков,

как наволочки. Странно. А потом мне все объяснила одна девчонка, дочка летчика. Оказывается, когда летчик на современном истребителе набирает высоту, у него сразу встает хуй от перепада давления. А если он резко преодолеет звуковой барьер – может сразу кончить.

Марк. Первый раз слышу.

Наташа. Да, да. Ее мать каждый раз спрашивала отца после полета: ну что, опять с небом Родины трахался? Стирать трусы?

Марк. Класс!

Наташа. То есть у жен летчиков была серьезная проблема. Их мужья трахались с небом, а своих жен не удовлетворяли. И жены бегали к прапорщикам, бензозаправщикам, техникам. Мой папа умел ебаться. А я за шкафом лежала и слушала.

Марк. Ты ласкала себя?

Наташа. Нет. Я ковыряла шкаф ногтем. Узоры на дереве. До сих пор помню эти узоры. Один был похож на розу. Другой – на велосипед. А третий – на дерущихся водолазов.

Марк. А я любил драть. Представлю себе больницу. Будто девочек кладут на операционный стол и осматривают. А они плачут. Меня мать однажды застукала в ванной. Потом взяла тубик резинового клея, выдавила мне в штаны, вытолкала меня на улицу и сказала: “Иди, Марк, и хорошо подумай о своем будущем”.

Наташа. И ты подумал?

Марк. Подумал, но дробить не перестал.

Наташа (*смеется*). С тобой не соскучишься!

Марк. Я рад, что тебе весело. Но выпить все-таки хочется.

Наташа. Давай, давай выпьем. У меня тост есть.

Марк снова наливает ей шампанского.

Наташа. Давай за тебя.

Марк. Почему за меня? Нет, рыбка, давай за тебя.

Наташа. За меня уже пили. За тебя. За твою... за твой...

Марк. Хуй?

Наташа. Юмор!

Марк. Спасибо, милая. Я очень тронут.

Чокаются, пьют.

Марк. Пока еще горячее, давай еще по кусочку.

Наташа. Давай.

Марк. Кстати, ты же не попробовала соус. Знаешь, как он называется? “Бетельгейзе”.

Наташа. Это что?

Марк. Самая большая звезда во Вселенной. Ее диаметр больше орбиты Марса. Представляешь?

Наташа. Не очень.

Марк. Главное – это очень вкусно.

Кладет ей кусок, поливает соусом.

Наташа (*пробует*). Вкусно.

Марк. Еще бы!

Наташа. Не знаю, может, я не права, но мне кажется, что...

Марк. Что, милая?

Наташа. Ты не обидишься?

Марк. Я не обижусь, даже если ты убьешь меня.

Наташа. Ну... мне кажется, что мой отец вкуснее твоей матери.

Марк. Возможно. Во-первых, он моложе на три года. Во-вторых, моя мать страдала ревматизмом. А в-третьих...

Наташа. А в-третьих, я люблю тебя.

Марк. Я обожаю тебя, рыбка.

Целуются, не переставая жевать.

Наташа. Тебе грудинка попалась?

Марк. По-моему, это плечо.

Наташа. А у меня... даже не знаю, что это за часть.

Показывает.

Что это?

Марк. Трудно сказать, милая. Наверно, шея.

Наташа. Наверно. Вот позвонки... а может, спина...

Ммм... а с соусом правда вкуснее.

Марк. Естественно.

Едят молча.

Наташа. Странно все-таки.

Марк. Что, милая?

Наташа. Отец мой был таким говном, а мясо вкусное.

Марк. Так часто бывает... Кстати, милая, чтоб не забыть. Звонил Петя, приглашал на уикенд к ним. Я ему пока не ответил.

Наташа. Да ну... не хочу я к ним. У него жена трещит, как пулемет.

Марк. Мне Петя нравится. Умный парень. Веселый.

Наташа. Он-то умный, а жена глупа, как пробка. Да ну их.

Марк. Поехали тогда к Хохловым на дачу.

Наташа. Опять кокаин нюхать?

Марк. Тебе не понравилось разве?

Наташа. Нос заложило, как при гайморите. И трахаться хочется.

Марк. Это плохо, по-твоему?

Наташа. Хорошо. Но я и без кокаина хочу трахаться.

Марк. Я знаю, киса.

Наташа. И потом... этот Хохлов... странный парень.

Марк. Почему странный?

Наташа. Зачем ему японский сад вокруг русской дачи?

Марк. Это успокаивает.

Наташа. Он что — японец? У него морда вполне русская.

Чего ему успокаиваться.

Марк. На него было покушение.

Наташа. Ну и что? На кого из новых русских не было покушений? На тебя же тоже было, но ты не заводишь японского сада!

Марк. На меня было два покушения. А на Хохлова — только одно. Это большая разница.

Наташа. Почему?

Марк. Страшно становится после первого. Люди удваивают охрану, садятся на кокаин. Заводят японский сад. Часто ходят в церковь. А после второго покушения страх пропадает. Совсем.

Наташа. А после третьего?

Марк *(смеется)*. Я таких не встречал!

Наташа. Марк, хорошо, что тебе не нужен японский сад. И ты ничего не боишься.

Марк. Как говорил один мой друг, в русском бизнесе есть два пути: либо ты боишься, либо ты работаешь. Правда, сам он уже полгода лежит на Крестовском кладбище.

Наташа. Он боялся?

Марк. Нет. Он работал.

Наташа (*вздыхает*). Ну вот... опять мы про кладбище заговорили.

Хлопает в ладоши.

На хуй! На хуй! На хуй!

Смеется.

Ой, слушай, я же тебе забыла рассказать! Я видела сегодня классную сцену! Дико классную! Я сегодня была в парикмахерской.

Марк (*целует ее*). Я это заметил.

Наташа. Подожди... вот, и пока меня Танечка стригла, я смотрела в окно. У них оно такое большое, улица видна, как в кино. А на улице какой-то кретин на синем мерседесе въехал в грузовик. Или, может, грузовик в него въехал, я не знаю. Грузовику ничего, а мерседес слегка помяло, ну и лобовое стекло разбилось. Грузовик уехал, кретина увезла куда-то милиция, а мерседес остался стоять на улице. И вот здесь-то и началось кино! Откуда-то прямо из-под земли появились люди, которые стали раздевать мерседес. Они делали это быстро и профессионально. Их было несколько групп, каждая со своей специализацией: одни снимали колеса, другие вынимали мотор, третьи чистили салон, и знаешь, что мне это напомнило? Я смотрела фильм про Африку, как

львы охотятся на зебр. И вот они завалят зебру, выедят в ней лучшие куски и уйдут. А потом приходят гиены, съедают потроха, потом сразу налетают грифы, потом приползают муравьи... В общем, когда я вышла из парикмахерской, на улице лежал только кузов мерседеса. Как синий череп. И пошел снег. И было так красиво. Этот пустой синий череп под снегом был такой... такой...

Вздыхает.

Все-таки как хорошо, что в России иногда встречается что-то по-настоящему красивое.

Марк. Да.

Молчит.

И все-таки, киса, куда мы поедем на уикенд? К Пете ты не хочешь?

Наташа. Не хочу.

Марк. Значит, к Хохловым ты тоже не хочешь? Куда же мы поедем?

Наташа. Поехали в Вороново.

Марк. В этот бардак? Неужели тебе понравилось?

Наташа. Там лес хороший. Я на лыжах каталась.

Марк. Рыбка, но там куча народа, и все какое-то быдло...

Наташа. Мне плевать на народ.

Марк *(с улыбкой)*. Правда?

Наташа *(с улыбкой)*. Ага.

Марк. Ну, тогда поедem в Вороново. Сауна там ничего.

Наташа. И бассейн. Хотя бассейн... знаешь... там, когда входишь, дно такое скользкое и холодное... так ногам холодно и сразу это... хочется...

Марк *(настороженно)*. Что, милая?

Наташа. Хочется, чтобы... это... чтобы...

Замирает.

Марк. Что, милая? Что?

Наташа *(внимательно смотрит на него)*. Ты кто?

Марк *(сильно бледнея и теряясь)*. Я... милая... я Марк...

Наташа. Кто?

Марк *(дрожащим голосом)*. Марк... Марк... милая...
Марк...

Наташа *(встает со своего места)*. Какой Марк?

Марк *(тоже встает)*. Милая... милая...

Наташа. Какой Марк?

Марк. Милая... не надо... Наташенька...

Наташа. Какой Марк?

Марк. Наташенька... я скажу... я все скажу... не надо...

Наташа *(кричит)*. Какой Марк?

Марк *(опускается на колени)*. Милая, не надо! Я скажу!
Я скажу!

Наташа. Ты хочешь, чтоб в тебе мышцы завелись?

Марк (*дико кричит*). Нет! Нет! Нееееет!

Наташа. Какой Марк? Какой Марк?

Марк. Марк Сушеный!

Наташа. Где висит Марк Сушеный?

Марк. В чулане!

Наташа. Сколько лет висит Марк Сушеный?

Марк. 32 года и 6 месяцев!

Наташа. Кто повесил Марка Сушеного?

Марк. Плохие мальчики!

Наташа. Чего боится Марк Сушеный!

Марк. Мышей!

Наташа. Как бегут мыши?

Марк. Слева направо!

Наташа. Как качается Марк Сушеный?

Марк. Справа налево!

Наташа. Куда рвутся мыши?

Марк. Марку в ягодицы!

Наташа. Кто поможет Марку Сушеному?

Марк. Святая Преподобная Великомученица Варвара!

Наташа. Как она поможет ему?

Марк. Отгонит мышей, намочит ягодицы!

Наташа. Как попросит ее Марк?

Марк (*делая странные движения*). Помоги мне, Велико-мученица Варвара, во имя Господа нашего!

Наташа поднимает платье, приспускает трусы, Марк приспускает брюки и, причитая молитвы, ложится на пол, ягодицами вверх.

Наташа (как бы отпугивая гениталиями невидимых мышей). Изыдите вон, окаянные! Изыдите вон, окаянные! Изыдите вон, окаянные!

Затем Наташа мочится на ягодицы Марка.

Марк. Аминь!

Марк, всхлипывая, ползет к двери. Наташа подтягивает трусы, опускает платье.

Наташа. Марк, я сомневаюсь, что у них есть душ.

Марк, не обращая на нее внимания, выползает за дверь.

Наташа (кричит ему вслед). Скажи, пусть десерт подают!

Она берет со стола бутылку коньяка, отпивает из горлышка, обливается; смеется, вытирает ладонью коньяк с груди, нюхает ладонь, задумывается, потом смотрит на голову отца; подходит к голове, льет на нее коньяк из бутылки, затем подносит свечу; голова загорается.

Русская бабушка

Акт первый

Сцена и зрительный зал погружены в темноту. Вдруг на сцене вспыхивает крошечный огонек зажженной спички, который вскоре зажигает фитиль старой керосиновой лампы. Затеплившись, фитиль скупо освещает небольшую комнату, обставленную скромной, слегка громоздкой мебелью образца пятидесятых годов: в левом углу небольшой сервант, в правом – платяной шкаф с зеркалом, рядом с ним кровать с металлическими спинками, застеленная зеленым покрывалом. Над кроватью к стене прибит гобелен, изображающий лесной пейзаж и оленей у водопада. Рядом с кроватью – небольшая черная этажерка, уставленная книгами и различными мелкими вещами домашнего обихода, из которых выделяются будильник и фарфоровая балерина. Рядом с этажеркой – телевизор на ножках, накрытый пестрой шерстяной тряпочкой. Над телевизором прямо на стене развешаны фотографии в различных рамках и просто без рамок. Посередине комнаты круглый стол на квадратных ножках, покрытый серой скатертью. На столе стоит керосиновая лампа. За столом на стуле сидит бабушка и, под-

перев ладонью щеку, смотрит на огонь фитиля. Она в темно-коричневой длинной юбке, в бордовой кофте и в большом сером пуховом платке, накинутом на плечи. Ее совершенно седые волосы собраны в пучок. На ногах у нее старые шлепанцы.

Бабушка. Да... Как быстро время бежит. Тысяча девятьсот восемьдесят шестой. Не верится. Неужели дожила?

Усмехается.

Господи, как меня, старую, еще ноги носят... Восемьдесят шестой. Да. Сказали бы нам тогда с Полиной, что проживете еще сорок пять, так кто б из нас поверил. А вот на тебе – прожили. И лампа наша целехонька, не избилась, не сломалась...

С любовью гладит своей морщинистой рукой латунный бок керосиновой лампы.

Да... Ровесницы мы с тобой, милая. Отец покойный говорил, я родилась, а он весной тебя на ярмарке в Подольске прикупил. Вот какие дела. И фитилек не сгнил, слава Богу... Неужели тогда с этой лампой жили? Не верится даже. Полина, бывало, как вечером свет отключат, зажжет и вяжет, вяжет. Она тогда, в сорок первом, Сережу ждала, на шестом

месяце ходила. Сядет вот здесь и вяжет, вяжет Николаю рукавицы да носки. Он на фронте с самого июня был. Ей тогда тридцатый год пошел, а мне двадцать третий. Я-то вязать не любила. А она все вечерами вязала. Он ведь тут совсем рядом был, Москву оборонял. И убило его под Москвой. Не дошла тогда наша посылка, Полина, не дошла...

Молчит, глядя лампу, потом со вздохом продолжает.

Полина, Полина... Как ты там, в этой больнице? Господи, хоть бы обошлось. Две недели без тебя живу, поговорить-то не с кем. И навестить не могу – ноги, как на грех, отказывают, а там на электричке два часа, а после по Москве на метро да на трамвае – куда уж мне... А главное, ни письма, ни весточки. Хоть бы написала – была операция, так, мол, и так. Изведусь вся...

Вздыхает.

Полинка-Полинка. Знаешь, сегодня день-то какой? Поди, и забыла в своей больнице. А я помню и всегда помнить буду. Сегодня ж шестое декабря. Тот самый день. Вот я и лампу зажгла, как тогда вечером. Правда, тогда похолоднее было – печка наша совсем не грела, дрова прогорят, а тепла нет. Лампу зажжем и сидим. А ты вяжешь, вяжешь... И тогда вязала к нашей свадьбе. Три ночи не спала. Подарила ему,

моему лейтенанту, дорогому Федору Николаевичу, Феденьке моему. Два дня и две ночи побыли мы с ним, да и пошел на войну. Пошел мой Федя. Милый мой Федя... Дай хоть посмотрю на тебя...

С трудом встает, берет лампу и, шаркая тапочками, подходит к висящим на стене фотографиям; подносит к ним лампу, стоит, разглядывая.

Вот... Феденька мой. Тогда перед отправлением снялись мы с тобой. Вон какой красавец был. И я молодая. Хоть фотография осталась. И было нам по двадцать три года. Господи, было ли это? Полина, помнишь Федю моего? Как на свадьбе сидели? Иван Кузьмич как хорошо сказал тогда, помнишь? А Лизу помнишь? Она тогда ведь моложе меня была! Господи, родные вы мои... все вы здесь, все... все...

Трогает рукой фотографии.

Все. Смотрите на меня, улыбаетесь. И молчите. Все кажется, что вот возьмете и заговорите со мной. Ах нет. Молчите все это времечко. Все сорок пять лет. И ты, Лиза. И ты, Иван Кузьмич. И ты, Феденька. Два дня побыла с тобой. А потом – ничего. Пропал без вести. А что это такое? Как это без вести? Ведь это еще хуже, чем смерть. Как это возможно – без вести? Федя. Где ты, милый мой Феденька? Сколь-

ко лет ждать тебя? Феденька мой... мучишь меня полвека...
Господи... Федя...

Голос ее прерывается, лампа дрожит в руке. Бабушка гладит фотографию Федора.

Помнишь, как провожала тебя? Как на вокзале поезда ждали? А я все молила, чтоб его вовсе не было. Стою с тобой и молю. Хоть бы не пришел, хоть бы еще денек побыть с тобой... А как увидала, что идет ваш паровоз, – сердце так и сжалось. Я и плакать не могла тогда. Другие бабы рядом ревели, а я стою, руки ко рту поднесла да и гляжу на тебя молча. А ты тоже на меня молча смотришь. Так молча и простояли, пока не закричали: “По вагонам!” И пошли вы по вагонам. И ушел ваш поезд...

Умолкает, стоит еще некоторое время у фотографий, потом идет с лампой мимо стола и, остановившись на краю сцены, смотрит в зал.

Сколько лет прошло, а все перед глазами живое так и стоит. И поезд, и бабы на перроне, и война, будь она проклята. От нас фронт совсем неподалеку проходил, верстах в сорока. Через наш поселок столько войск прошло – не сосчитать. Бывало, идут колонны наших солдатусшек, а мы с Полиной стоим на крыльце, машем им. А они идут, улыбаются. Идут

умирать за нас. Раза три у нас части останавливались. Один раз офицеры жили. Один чужак такой, полез ко мне с нежностями, а я говорю – у меня муж тоже лейтенант, между прочим, со своей частью в соседнем селе стоит, сейчас прийти должен. Так он, бедняга, с перепугу в соседскую избу ночевать ушел... А ночью, бывало, лежим с Полиной и слушаем канонаду. И все кажется, что скоро по нам стрелять начнут. И однажды впрямь в соседнем лесу стали бомбы рваться. Мы скорей в погреб. Пересидели...

Вдыхает.

Страшно вспоминать теперь. А тогда по молодости и не было страха. Только за Федю переживала сильно. Все время о нем думала. Да ждала, когда война кончится. Эх, Полина, Полина. Ты-то своего тоже не дождалась. Ну так тебе хоть похоронка пришла. А после войны вы с Сережей на могилку поехали. А мне – ни могилы, ни письма. Господи... Это же тяжелей не придумаешь – без вести...

Идет по сцене, останавливается, поворачивается к залу и продолжает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.